

ВЕЛЕСОВА КНИГА

В переводе Геннадия Карпунина

Дощечки Велесовой Книги не сохранились. Тексты, которыми мы располагаем,—результат титанического труда Ю. П. Миролюбова, специалиста в области религии древних славян и русского фольклора, в течение пятнадцати лет занимавшегося переписыванием их с дощечек. У нас Велесова Книга напечатана в 1990 году. Читателю интересно увидеть оригиналом, а равно историей вопроса, отсылаю к изданию: «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XLIII, Л., «Наука», 1990.

Официальная наука не признает подлинности Велесовой Книги, полагая, что это фальсификат, возможным автором которого является известный своими подделками А. И. Сулакадзев, умерший в 1830 году. Для меня, как переводчика, сей вопрос не имел принципиального значения. Я считаю, что как бы там ни было, перед нами произведение, по меньшей мере незаурядное. В Велесовой Книге ярко выразился дух раннего славянства, а дух может нисходить независимо от времени—тогда, когда кто-либо любовно прикасается к нашему изначальному слову, ибо в слове, собственно, он и заключен. Все тексты пронизаны идеей единения Русской земли, сплочения ее в могучее государство, что и было позднее осуществлено Рюриковичами. Многие страницы Книги исполнены истинной поэзии. Уже это одно дает ей право на существование, делает ее актуальной и в наши дни.

Хотел бы предупредить Читателя: относиться к Велесовой Книге как к источнику исторических сведений следует крайне осторожно. Во-первых, мала степень изученности текстов, во-вторых, иные из них темны и не поддаются однозначному прочтению. Ошибка же или предвзятость переводчика—см., например, перевод Буса Кресеня (А. И. Асова), опубликованный в книге «Русские веды» (М., 1992),—могут привести к результатам, весьма сомнительным с исторической точки зрения, дав повод для самой вульгарной критики. Ссылаясь на Велесову Книгу, благонамеренному Читателю правильнее говорить: «Велесова Книга трактует такие-то вопросы так-то и так-то». И не более того. Хотя, конечно же, Велесова Книга или подобные ей вполне могли существовать в глубокой древности—никто ведь не отрицает, что преподобный Нестор-летописец пользовался какими-то имевшимися в его распоряжении источниками по ранней истории славян-русичей. Созвучия Велесовой Книги с его «Повестью временных лет» несомненны (разумеется, проще объяснить все заимствованием, скажем, того же А. И. Сулакадзева).

Несомненно и то, что когда Русь приняла христианство, зерно православной веры упало на хорошо возделанную предшествующим историческим и духовным опытом народа почву. Здесь было выработано все необходимое для восприятия апостольского учения: русичи вплотную подошли к идее единого Бога, создали весь тот понятийный аппарат, без которого не был бы возможен перевод

богослужебных книг. Мир Велесовой Книги — это мир славян-руси-чей накануне Крещения. Русичи Велесовой Книги знают Христа и хотя (а так и было в истории) еще относятся к Нему как к чужому богу, их нравственность находится в полном соответствии со словами Апостола: «не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе своей законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон; они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Римл. 2; 3—15). Укажу хотя бы на такое соответствие: «Там нет ни гуннов, ни эллинов... и никто не имеет собственности в краю том, и рабов никаких нет там» — Велесова Книга, дощечка 26; «где нет ни элина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» — Новый Завет, Колосс., 3; II.

Что же касается языческих богов, постоянно фигурирующих в текстах Книги, то ныне, спустя 1000 лет после крещения Руси, православному человеку не надо от них шарахаться вроде того молодого батюшки, который демонстративно покинул зал, где я зачитывал однажды фрагменты моего перевода. Религиозно грамотный русский человек сугубо не кристился, встречая, например, у Пушкина: «Покорный Перуну старик одному, заветов грядущего вестник». Славянское язычество надо понимать так, как оно охарактеризовано в самой Книге: люди, в чьих сердцах было написано дело закона, чтли, конечно же, и своих предков. Наши боги, подчеркивает Книга, это жившие прежде нас наши отцы и матери — они вознеслись на небеса, в синюю Сварзу, и стали святыми.

Словом, вдумчивый Читатель, обращаясь к текстам Велесовой Книги, имеет возможность глубже понять, почему после богоотступничества иудеев и византийцев Господь избрал Своим народом именно русичей. И это то главное, что должен почувствовать в Велесовой Книге ты, мой современник, мучительно ищущий истину.

Работая над переводом, я пользовался помимо указанного издания редакцией текста, которую предоставил в мое распоряжение А. М. Полунин, один из лучших на сегодняшний день специалистов по Велесовой Книге. Мое деление текста на слова и строки, в основном, совпадает с этой редакцией.

Дощечка 1

Во тщете забываем
доблестное наше прошлое,
а будущее, куда идем, никому не ведомо.
Итак, оглянемся назад
и спросим:
разве зазорно нам
о Нави, Праве и Яви знать
и с разных сторон о жизни ведать и думать?

Се Дажьбог сотворил нам мир,
и есть в нем свет солнца и месяца,
и в той бездне повесил Дажьбог
землю нашу так, чтобы она удержана была,

Там души пращуров суци,
и они светят нам зорями сквозь дыры небесные...

Но греки напали на Русь
и творят злое во имя своих богов,
а мы уже не ведаем,
куда течь и что делать.

Правь невидимо уложена Дажьбогом,
а по ней, как пряжа по веретену, течет Явь,
тем самым сотворяя жизнь нашу,
а если обрывается нить, то смерть наступает.
Явь текуща и сотворена от Праве,
Навь же не сотворена от нее,
Навь есть до нее, и после нее есть Навь,
а в Праве же есть только Явь.

Почувствуй у прошлого,
окунем в него души наши,
ибо то наша история,
которая уже состоялась.
И тогда наконец...
животворящую силу богов
узрим в себе —
то дар, данный нам богами,
а если он нам не требуется,
то напрасно души пращуров наших
сквозь дыры небесные взирают на нас.

Вот и Жаля там плачется,
и попрекает нас, что не бережем памяти
о Праве, Нави и Яви.
Не бережем же потому,
что стали глухи к истине.

Нет, не достойны мы быть Дажьбоговыми внуками.
Те ведь молятся богам:
«Да будут чистыми души и тела наши,
и да поймеем жизнь с праотцами нашими,
во богах слившись в единую Правду».
Вот каковы истинные Дажьбоговы внуки.

Зри, русский ум,
как ум великий божеский
стал един с оними,
и потому дано им творить и говорить
со богами единое...

А наша жизнь брэнна,
удел наш, как и у комоней наших,—
работать и работать,
прозябая на земле
с тельцами, овнами и прочим скотом нашим,
да от врагов убежать на... север...

Дощечка 2а

Неправ муж, идущий домой,
которому мы говорим:
«Если кто хочет правым быть,
то словеса его
и свершения совпадают».
Так говорится исстари,
чтобы мы творили доброе.
И как деда наши завещали,
так пусть и будет...

И во времена Зеленославля
Русь пленена была
рукою вражеской, злосчастье творящей...
И князь тот немощен был,
и послал на брань сынов своих,
и те врагам сдались,
ослушавшись веча.
А кто не уважает решенное вечем,
быть тому либо убитому,
либо в рабство взятому.

А так ли сказали мы ныне:
«Князья наши,
не бывать больше тому!»
И пошли на полудень,
чтобы сберечь землю нашу
для нас и деток наших.
Там греки напали на нее,
чтобы сесть на ней.
И была сеча великая
многие месяцы.

Стократ починалась Русь
и стократ разбиенна была
от полуночи до полудня
с тех пор, как праотцы наши,
взяв скот свой,
пошли за отцом Орием и другими вождями
в края русские, чтобы поселиться там.
Много лишений испытали,
раны и холод переносили,
пока не пришли сюда
и не поселились огнищане
на земле русской.

И прошло две зимы,
а после тех двух зим варяги пришли,
и землю забрали у хазар в руки свои,
и нас подчинили себе.
А когда мы пришли, жил тут народ ильмерский
Из того же кореня
восстал и наш род,
но мы позднее пришли на Русскую землю
и поселились среди ильмерцев.

А ильмерцы суть братья наши,
во всем нам подобны.
А если они вооружались,
то и нас охраняли от зла.
Есть у них вече,
и что решено вечем,
так и будет,
а что не решено, тому не быть.
Избирают князя
либо от полуночи, либо от полудня,
и так живут.
Мы тоже им помощь оказывали,
поскольку хорошо умеем творить
сосуды, обожженные во огнищах —
мы ведь гончары славные.
И как землю пахать
да скот разводить разумеем,
ибо научились тому у отцов наших.
Но случился раздор у нас,
они напали на нас, и потому

Дощечка 2б

мы были вынуждены отойти в леса,
и стали там жить,
занимаясь охотой и рыбной ловлей,
и молились, чтоб от страданий избавиться.
Так прожили одну зиму,
и начали град ставить,
огнища повсюду раскладывать.
На другую же зиму был хлад великий,
и двинулись мы на полудень —
там ведь места злачные.
А люди иранские не пропускали нас,
требуя скота нашего десятину.
И мы отдали, угодив им,
поскольку мы из тех, кто слово держит.
И двинулись далее,
до полуденного зеленотравия,
по-прежнему имея скота много.

Дощечка 3а

Молим Велеса: «Отче наш!
Да выведи в небо комоноча Сварожьего,
да выведи на нем зори вещать!»

Завращалось колесо золотое.
То — солнце наше,
которое светит на дома наши,
и пред ликом его
бледнеет лик огнищ домашних.
Сему богу-огнику

«Семаргл, говорим, покажись
и восстань на небесах!»
И, дождавшись мудрого света,
произносим имя его: «Огнебоже!»
и идем трудиться, как всегда,
молвение сотворив, телеса насытив.
Мы идем трудиться на поля наши,
как боги повелели всякому мужу,
а женщине не велено трудиться
ради хлеба своего.

Даждьбогovenуки — любимцы божьи,
и божьи орала
в деснице вы держите.
Воспоем славу Сварогу!
И так молимся до вечера,
пятикратно славя богов,
испивая сурицу в знак благости
и общности с богами,
которые сущи во Сварзе
и также пьют за счастье.
Воспеваем славу Сварогу,
и тот комонь злат Сварожичев
скачет в небесах.

Потрудившись, домой придем,
разведем в очаге огонь
и, вкусив пищу нашу, скажем:
«Сколь же ласковы боги к нам!»
и спокойно ко сну отойдем,
ибо день прошел и темень настала,
и отдали мы десятину отцам нашим,
а седьмую часть — властям своим.
И так пребудем во славе,
покуда славим богов наших
и молитвою омываем души,
как телеса водою чистою.

Дощечка 36

«Ибо кровь та и кровь наша —
одна кровь», — так молвили мы,
избирая князей, старейшин наших.
И так правили
пятнадцать веков через вече,
собирались на оное и судили всякого
от малого до великого.
И так правили отцы наши,
и всякий имел право слово изречь.
И то-то благо было утрачено
с приходом хазар во времена Трояна,
который сел править
с сынами своими и внуками
вопреки решению веча.
Борусичи не признавали владык,

не избранных вechем.
Хазары же пошли на них,
а их воины были не готовы.
Та-то неурядица началась пятьсот лет назад,
и по сей день не кончилась.
И попали мы под иго хазарское,
ибо покуда борусичи препирались,
враги на них налезли многие.
И внук Траянов был сметен,
с другими многими умерщвлен.

Дощечка 4а

Наступил для нас трудный день.
И был в степях боярин Скотень,
который не подлег под хазар.
Будучи иранцем,
он у иранцев помощи попросил,
и те конницу прислали,
и были хазары отброшены.
Иные же русичи остались под хазарами,
которые дошли до града Киевского
и там уселись.
Те же русичи, которые не хотели
быть под хазарами,
пошли к Скотеню
и стали жить около него.
Иранцы не хотели ничего нашего,
в рабство не брали,
и оставили русам жизнь русскую.
А хазары брали в рабство,
для исполнения работ своих,
и деток, и жен.
Очень злы были и творили зло.
А тут готы нагрянули
и напали на русь,
сбравшуюся около Скотеня.
Пращуры наши измечились
и выступили против них.
И конница иранская поскакала
и стала бить их.
И готы разбиты были,
и воины готские бежали с поля.
Тут ведь кровь русская лилась,
и чермна земля была.
Перунами побил русь землю готскую,
и мечами изничтожила всякого,
и готы, уведав сие,
восвояси вернулись.
И вдруг хазары, победившие нас,
когда мы вече утратили,
снова полезли на нас.
Русичи ринулись в битву, как львы,
и сказали: «Пропадем, если Перун
не захочет вступиться за нас».

И он им помог.
Так и готы были повержены,
и хазары впервые вкусили праха,
впервые были разгромлены.
Тогда русь затаила дыхание
и сказала: «То ли еще будет!»
Хазары же бежали
до Волги, и Дона и Донца,
и срам был великий,
ибо, убегая, воины их
бросали на землю мечи свои
и утекали, куда очеса глядят.
Тогда и готы снялись с места,
и ушли на полночь
и сгнули, уйдя еще дальше.
Русь же устроилась на сей земле,
взяла ее в русские руки —
руки свои простерла и сказала:
«Пришла ведь милость божеская.
Восхвалим Дажьбога нашего
и Перуна-златоуса,
которые были с нами».
И так первую спели славу
богам нашим на земле чужеской
и сказали: «Руськолань та земля есть,
и если мы приложим труд великий,
то будет крепко стоять земля наша».
А хазары, убоившись,
ушли в землю иную.
А вокруг Киева и по Волге
Руськолань стала,
и на Донце утвердилась после готов.

Дощечка 46

Многое помели, следуя Ему
и во имя Его труждаясь,
и благодаря Ему
были вольными и могучими пращуры.
Он, Велес, научил их землю пахать
и зерно сеять.
И мы, как и пращуры наши,
огнищанами стали
и на земле трудимся,
и говорим так, как говорят
в земле нашей, а не так,
как греки хотят,
и русский язык у русов
болгары переняли.
Иные же из нас скот разводят,
обитая во полях зланных.
И избираем из рода в род
старейшего во отцы себе,
который нами правит.
И уже позабыли, сколько за десять веков

было у нас правителей.
А роды наши живут обособленно:
одних звать поляне,
других — северяне, третьих — древляне,
но все они суть русичи, от Руськолани,
и не имеют различий,
как, например, сумь, весь и чудь.
А когда через тысячу лет
пришла на Русь усобица,
произошел раздел,
мы лишились самостоятельности
и стали в рабстве у чужих работать:
сперва у готов, которые крепко нас драли,
а потом у хазарян,
которые объявились с каганом.
И все то — из-за нерадения нашего.
Попервости чужие вступили гостями на Русь
и поначалу были велеречивыми,
а потом стали злыми
и русичей притеснять стали.
Те и сказали:
«Если уйдем с Дуная,
то вольную жизнь обретем.
Мы ведь великие сироты,
рука божеская отвратилась от нас,
и потому тысячу двести лет
не могла сотвориться Русь.
Вот пришли враги и забрали все.
Начнем сызнова,
Великую Русь сотворим на полночи,
раз тут не имеем возможности,
в лесах Ильмерских сотворим.
А где Киев —
там счастья мало:
там уселись варяги,
они суть хищники».
Повел Святояр жи...
Да узрим зраками телесными
того боярина Гордыню нашего,
который поразил готов со Скоттичем...
А было то славное деяние
от прихода славянского люда на Русь
в лето стотринадцатое...
Готы, нагло грабя, лезли на нас...
Был тогда Святояр
единодушно избран князем русичей...
на Руськолани...
И он собрал руськолань,
и борусы измечились,
и пошли на готов от Воронежца...
побили там десять тысяч
отборных воинов-конников,
и ни единого пешего.
И так бросились на них,
и была сеча зла и крута,
и длилась она до вечера.
И после готов

Дощечка 4в

Русь
устремилась на землю ту.
В то же время пришли к Киеву
варяги с купцами и побили хазар.
И каган хазарский
обратился к Скотеню, моля о помощи.
Отверг его Скотень, сказав:
«Помогайте сами себе».
Русколане же вече созвали,
дескать, вражеская сила
идет на землю Воронежскую.
Воронежец — город древний,
много веков назад поставлен,
окреплен от нападения на него валом.
И те варяги пришли к Воронежцу
и взяли его.
Так оказалась Русь
отрезана от запада солнца.
И пошли иные на полудень солнечный
и Сурож-град утвердили у моря,
которым владели греки.
А укрепил град Сурож Белояр.
И был тогда Криворог князем русским,
и выпустил он белого голубя:
куда он полетит — туда идти.
И он полетел на греков.
Криворог напал на них
и разбил их.
Тут греки, словно лисы,
хвостом завертели,
дали Криворогу злато руно
и комоня серебряного.
И так Криворог утвердился в Сурожии,
оные же греки напали на Голунь.
Криворог не догадался,
что Русь там отворена,
и греки бросили на голуньцев
воинов во железах и побили их.
Много крови русской
пролилось на землю.
Но не сломить стяга русского.
Ведь сказали ильмеры: «Мы тоже голуньцы,
и мы придем к вам на помощь».
Почти память их,
землю русскую собою удобривших.
Они — наши старые отцы,
которые отдали все силы Руси
в тех сечах с врагами нашими
и кровью удобрили землю нашу.
Единосущные богу,
с Перуном нераздельные,
ковали они мечи свои на врагов их.
Помолимся же им, прося помощи.

Дощечка 4г

Сварогу же святому быть над нами!
А идем мы туда, где видны
земли, горы и лукомория.
И так всякий день бога зрим,
который есть свет.
Его же называем Перун,
Дажьдбог, Хорс и Яр и иными именами.
Так воспеваем славу богам,
и живем милостью божеской
и худой не ждем жизни,
пока сияет Сварог и бьет врагов наших,
которые во тьме змеями ползают
и грозят нам
болями, мором, мороком
и концом жизни всяческим.
Явится бог сильный
и побьет тьму мечем-молнией,
и она издохнет.
Солнце светит на нас и для нас,
и все становится видимо.
Первая же слава — Солнцу,
Светлому Деду!

Тьма есть зло изначальное.
Из той тьмы изошло, издыбилось
зло племя даков.
И то злое племя
на пращуров наших натекло и напало,
и многие умерщвлены были.
И тот Орей, старый отец, сказал:
«Уйдем из этой земли,
где гунны наших братичей убивают,
они, как звери кровожадные,
скот наш крадут и детей избивают».
И так старый отец сказал:
«А потечем до иной земли,
где текут меды и млека,
ибо есть такая земля».

И потекли все.
И было у Орея три сына:
Кий, Щек и Хорив,
откуда проистекли три славянских племени.
Сыны были храбрые вожди дружинам.
И так сели на комоней и потекли.
За ними ехали дружины младшие;
скот, коровы, повозки,
быки и овцы текли;
в конце — люди мирные:
детки, старцы, матери, жены.
И так шли на полудень, к морю,
и мечами разили врагов.
Дошли до гор высоких
и долов травных,

где было знаков множество.
Там сел Кий,
который был строителем Киева,
и там стала столица русская.

Многой крови стоил тот поход славянам,
но даже анты пренебрегали опасностями
и текли туда, куда повелел Орей,
ибо, как молвлено,
кровь та и кровь наша —
одна кровь, и все мы русичи.
Не слушайте врагов,
которые говорят, будто мы недоблестны.
От отца Орея все мы идем...

Дощечка 5а

А если рассказывать более подробно,
то начать нам следует так:
за тысячу пятьсот лет до Дира
пришли наши прадеды в горы Карпатские,
и там сели, и жили спокойно,
и род правился отцом рода.
И старейшиной рода был Кодырян,
он же Паркун,
который к нам благоволил,
и мы его почитали.
И так жили пятьсот лет,
а потом потекли на восход солнца,
и дошли до Днепра.
Река же та в море течет,
и мы сели на ней к полуночи.
А называется «Днепр» потому,
что имеет на дне препятствие — пороги.
Отцы так и называли Днепр — Препять,
то есть «порог, препятствие».
И там сидели пятьсот лет,
и вечем правилсь,
и были богами хранимы
от многих, называемых «языками»,
большинство которых были ильмеры.
Там осели огнищане,
а иные скот во степи водили,
и тоже были хранимы богами
от вышеназванных языков,
и потому имели много золота
и жили богато.

Дощечка 5б

Час от часу
нарождается среди нас
связжси,
и пребудет до самой смерти.

Не забудем также ильмерцев,
которые нас неоднократно хранили
и с нами слились,
и кровь свою нам отдали.
Древле были на Руси хазары,
ныне сидят варяги.
Мы же — русичи, а не варяги.
Ставим на солнце млеко наше во травах,
через ночь кладем в него щавель
и иные травия,
как завещали праотцы,
и даем ему кваситься,
а потом трижды пьем во славу богов
пять дней подряд.
То наш старый обычай —
для богов должна быть совершена треба,
и требой той будем повязаны с ними.
Но ни Мара, ни Морока не должно славить,
ибо то дивы, суть наша нечисть,
а наш Дед — во Сварзе.

Дощечка 5б'

Сии же языки
повернули на полудень,
а иных и сами не знаем.
И когда шли,
гоня скот и говяд своих,
увидели множество птиц,
слетавшихся к ним —
то галицы и враны
на уедие летели,
ибо предстояло уедие великое во степях.
И вот напали на них племена костобоков,
и отверзлись раны многие,
и кровь полилась.
Тут внезапно главы ссекали врагам своим,
и становились те добычей вранов.
И так Стрибы свищут во степях,
а Буряи гудят до полуночи,
что покоя нам нет.
Была тут сеча великая языков,
и костобоки со злом разили утекающих
и захватывали говяд наших.
И была битва та
двести лет назад.
И наши сородичи утекли к ляхам,
и поныне сидят там, бедствуя.
А сто лет назад
пришел Германрех с готами,
и озлобился на нас,
и вновь была битва великая.
И готы были потеснены
и отброшены до Донца и Дона.
И Германрех вино с нами пил,

«братья милые» — нам говорил,
в битвы воинов наших водил.

И так утворилась,
началась жизнь новая

Дощечка 6а

от Орея.

Разделились отцы наши с борусами:
они — до Ра-реки, до Днепра — мы,
и Карпатскую державу породили.
Те и другие правились родичами и вечем,
и всякий род носил имя своего родича,
который им правил.
И поныне восходим на гору,
там избираем князей и воевод,
отцов люда своего —
да бьются с врагами по славу Перуна,
и помощь Дажьдбогова обратится на них!
И от русов назвалась та держава Русской,
и борусичи ее обороняли.
И великие, непрестанные
были всякий час и многие сечи.
А врагов-то у нас удвоилось:
еще не отбились от ромеев,
как явились готы.
То Германрех пошел на нас
и напал на нас.
И были мы посекаемы и пожигаемы
с одной стороны — ромеями,
с другой — готами.
Оказались мы между двух огней:
куда ни кинься — опалишься!
Как случилась тут беда великая,
и нивы наши сожжены,
и от селений ничего не осталось,
кроме дымов и пепелищ.

Прилетела же тут к нам
птица божеская и сказала:
«Отходите на полночь,
и нападайте на них,
если они будут идти
по вашим следам и по пятам».

Так мы и сделали — пошли на полночь,
и нападали на них, и побивали их,
сражаясь с ними.
И так уходили от них,
и остановились станом,
а по Дунаю ромеи поджидали нас.
Враги напали внезапно
и побили многих.
Застигнутые врасплох,

были мы простоголовыми,
так простоголовыми и бежали.
И зима застала воинов простоголовыми.
Великие снега, холода, голод
мучили наших людей,
которые все оставили и всего лишились.
Без еды и одежды
сильно в тот раз пострадали,
но независимости своей не утратили.

Дощечка 6б

Через сто двадцать лет
стали напирать готы,
теснимые гуннами.
И берендеи пошли на полночь
меж Ра-рекой и Двиной.
Там-то и пропал Германрех,
и Гуларех повел готов на новые земли.
Гунны с берендеями и скотом своим
остановились в том краю.
Там было много комоной и говяд,
травы злачные и вода живая.
Но тут Гуларех привел новые силы
и отразил гуннов,
и во главе многих полчищ пошел на нас.
Тогда родичи собрались на комоных
и бросились на них.
Суровая сеча была там тринадцать дней,
и русы пропустили готов
на землю свою,
которая обетованна была нами.
Тяжкие времена настали.
Нападали на нас
ромей — от Дуная,
греки — от полудня,
а готы — и от полночи и от полудня,
но те великого зла не делали.
А ромей сидели во градах дунайских,
смотрели на нас, выжидая.
Та борьба была нам великой отравой,
она не угодна была ни богам, ни людям.
И не имели мы иного спасителя,
кроме князя, избранного во отцы,
коему от осени до весны
платили дань от полюдья,
и, страшась коего, водили стада свои
и обрабатывали землю — жизнь нашу.
Так и жили.
И пятьдесят лет творили
распря великую всякоденно гунны и готы.
А берендеи вреда не делали.
Они имели князя Саху,
а он был премудр,

и мира искал с русами,
и был наш друг.
Берендеи — люди тихие,
гунны же суть воры,
и борьба с ними была тяжкая.
Так прошло сто лет,
и гунны оставались
на готской земле.

Дощечка бв

Те и другие заявили: «Загородимся».
И стали грады городить,
Корсунь и иные возводя.
Русколань, раздираемая смутами,
стала сотворяться на полудне,
а Борусень — на полуночи.
И многое претерпели,
ибо не хотели сородичи,
чтобы роды русские
соединились с Русколанью.
Потому и существовали две ветви,
именовавшиеся
Великая и Малая Борусень Сурожская.
Они также назывались
сурожские русы и борусы-прапорцы,
так как была там неправая борьба
и долгая вражда между родами
разделила Борусень на части.
Но ведь не могла же Борусень
стать «Грецией»
или «Скифией во Степи».
Скифы были желты,
а русы были русы и мудрооки,
сильны и неунывны,
и бились непрестанно.
И если в Суроже
не было княжества сильного,
то потому, что греки продавали врагам,
в том числе и нам, всякую ветошь.
От отца Орея и до Дира
прошло тысяча пятьсот лет,
а наш порок известен — медные мечи.
А ведь старые люди наказывали:
«Делайте мечи железные
и берите комоной,
которые скачут к вам от богов.
Тогда будет Русколань
сильна и тверда,
ибо то от Перуна.
И сколько раз ни извлечете мечи,—
одержите победу и отразите врагов,
отбросите их, потрепав за Орея,
отца рода славного и сильного,
берущего начало от солнца египетского».

А и в старые же те времена
не было у нас единства,
и жили мы так, словно не знали Велеса.
Он ведь повелел нам,
чтобы шли мы прямо,
не сворачивая с пути истинного
Но мы его не послушались,
и этот порок погубил
великую часть русов,
которые, не остерегшись,
потекли к Набсурсару.
Враг нас попутал, и прельстил ложью,
и пошли мы к Мору (так он звался),
и преклонили главы свои
на вражьем капище.
Тут-то сила вражеская
натекла об утрии,
и пошли со скотом на заход солнца
и там сгнули люди наши,
идучи к стопам Набсурсара,
а затем идучи на солнце египетское.

Дощечка бг

Долгие годы в рабстве прозябали.
И вот настал день,
и ушли русы от Набсурсара,
поганные же не гнались за нами.
И так вернулись в края наши,
а там же услышали
песни наши про Интру,
и вольными стали,
уверовав в богов наших.
А до этого боги были не наши,
и все мы до единого хомут носили,
и никогда не назывались
иначе, как язычники.
Сколько же в рабстве
вавилонском претерпели!
И князем их был тогда Набсурсар,
который подчинил их.
И те своих юношей
отдавали ему в войско,
а в тягло — дочурок своих,
и выносливость чресел
на ланитах имели,
и так били палками,
что терпеть невозможно.
И мы не вытерпели и сказали:
«Того, что есть,
не приемлют сердца наши».
И вот настал день.
когда было великое трясение и землевёрты.
Земля отверзлась и вздыбилась до Сварзы,
комоны и волю метались.

И мы сказали: «Заберем стада свои
и вернемся на полночь,
и спасем души наши,
и богами хранимы будем,
и не станем терять сынов своих,
и дочерей своих, а также жен,
и будем крепнуть,
узы свои сбросив,
и не будем сметены,
если пойдем во главе рати.
Чем в рабстве сидеть.
восвояси пойдем,
ибо не песьи потомки славяне,
а люди гордые, себя не щадящие».

То ведь Матьер спевает
песни свои о сече,
и та птица от Интры исходит,
ибо Интро было
и пребудет Интро до века того,
когда Перун всех переборет.
И будет так.
Да вещает она,
да пробуждает ярость,
ибо лучше и лепее сгинуть навсегда,
нежели быть в рабстве у врагов
и приносить жертвы богам их.

Дощечка бд

Только жрецы ведают
и о том богатстве рассказывают,
которое мы имели когда-то
и которое ныне у нас украдено.
А если бы мы не имели
бардов своих и боянов,
то и поныне пребывали бы в неведении,
откуда мы и что мы есть;
не знали бы того боярина Гордыню,
который разбил готов
в лето стотринадцатое
от исхода Карпатского,
и про то, как Триедорий
ходил без страха на них,
и как боярин Сегеня,
убивший сына Германреха,
прогнал Гулареха от Воронежа,
и там встала Русь —
Борусская и Русколань.
Да будет нам стыдно,
если услышим от врагов наших,
что имеем такую историю
и не можем поверить
дощечкам о Голуни,
где каждое слово обращено к нам.

То — заря, светящая нам,
и утро, идущее к нам.
Так увидим же вестника,
скачущего во Сварзе,
и скажем хвалу и славу богам.
А вот Сурож теперь огречена,
и не есть она больше русская,
и бог там греческий — Исус,
и мы не имеем там
скарба нашего и держания иного.
Да совлечет с нас тьму
сын светлый Интров,
да придут воины его
на помощь нам!
Старое время есть наше благо,
почерпнем у него
твердость и крепость,
дабы враги уведали,
что во истину

Дощечка бе

то время —
время великой прочности.
И случилась в те дни жара,
и сушь у нас была суровая,
и жито тогда не уродилось,
и пришлось нам уйти в землю иную,
чтобы хоть как-то продержаться.
И разбиты были там русичи
греками и ромеями,
и пошли они по брегам моря Сурожского,
и сотворили там Сурож.
Край же тот солнечен,
да Киеву творение то не досталось,
хотя и сильно он бился за него.
Тогда же впервые варяги пришли на Русь,
и Аскольд силой погромил
князя нашего и победил его...
Аскольд, а позднее Дир
сели у нас как непрощенные князья,
и начали они княжить над нами,
будто отцы истинные.
А мы жгли костры,
храня Огнебога дому тому,
и отвратил Огнебог лик свой от оных,
потому что были оные князья
греками крещены.
Аскольд есть воин тьмы,
а днесь он «просвещен» греками:
дескать, никаких русов нет,
а есть лишь варвары.
Мы над этим можем лишь посмеяться,
ибо называли прежде
отцов наших кикиморами,

а они ромеев трясали
и греков раскидывали,
как поросят испуганных.

Дощечка 6э

Те отцы, кстати, определили,
как отправлять требы богам нашим.
А Иисусу — служба иная,
и таорил Аскольд жертвы богу чужому,
а не нашим богам.
Так будем же веровать во отцов наших,
а иных нам не надо.
И нас хотят греки крестить,
чтобы мы забыли богов наших.
Но если мы обратимся в их веру,
то станем рабами.
Будем же стеречься того, как прашуры,
которые стерегли Скифию свою
и не давали волкам похищать агнца,
которые суть дети солнца,
и трава у них зеленая —
знак божеский.
Будем же брать ее,
до млека усуривать на солнце нашем,
дабы пить в честь богов,
сущих во Сварзе мудрой,
и отцу нашему Дажьбогу жертву творить,
а те на небе тоже сурыню пьют,
но священнее нашей во сто крат.

Дощечка 7а

Слава богам нашим!
Мы имеем истинную веру
и не приносим человеческих жертв.
Это делают варяги,
они называют своего бога
не Перуном, а Паркуном,
и ему приносят человеческие жертвы.
Мы же воздаем жертву полевую
и от трудов наших: просо, млеко и тук,
которыми покроем ягнят в коляду,
а также в русалии, в день Яров,
и на Красную гору —
делаем мы это в воспомин гор Карпатских.
Ведь прежде назывался наш род карпене.
Теперь же одни, живя в лесах, средь деревьев,
получили название древляне,
а другие, живя в полях, имеют имя поляне.
И всякие другие племена есть.
Греки распространяют слух,
будто мы людоеды,

но это ложная речь,
ибо во истину не так,
и обычаи наши иные.
Но тот, кто хочет враждовать с кем-либо,
всегда говорит о нем злое,
и той глупостью вносит раздор,
потому что ему отвечают тем же.

С давних пор правимся мы родами,
и старые отцы каждого рода
приходят судить родичей к Перунову древу.
Есть у нас также день,
когда проводятся игрища пред очесами старших,
когда наши юноши, показывая свою силу,
состязаются в быстром беге, поют и пляшут.
В этот день огнищане идут на промысел
и приносят дичину старым отцам,
которые делят ее между прочего люда,
и волхвы жертву приносят богам,
хваление и славу говорят.
А когда появляются готы или варяги,
избираем мы князя-отца
и он юношей ведет на сечу суровую.

Сначала ромей, зарясь на землю нашу,
замыслили против нас злое,
и подступили с колесницами своими
и в железной броне, и напали на нас.
Долго мы оборонялись от них,
и отбросили

Дощечка 7б

их от земли нашей.
И ромей уведали, как мы дерзаем о животе нашем,
и преклонились пред нами.
Потом греки хотели оттеснить нас от Корсуня,
и бились мы сурово, противоборствуя с ними,
и была борьба и битва великая тридцать лет.
И они преклонились пред нами.
Греки ведь раньше приходили на торжища наши
и предлагали нам обменивать коров наших
на благовонные мази и серебряные изделия,
которые требовались нашим женам и детям.
И обменивались бы мы донине,
но впоследствии греки захотели
ослабить нас и взять нас в рабство.
Однако мы не ослабели
и не отдали им землю нашу,
как и землю Троянову не отдали ромеям.
И да не восстанут обиду несшие
Дажьбоговым внукам,
которые оружием врагов отразили.
И ныне сами не посрамлены
и не уронили чести отцов наших,

ведь у Синего моря на бреге
встали мы против готов
и одержали над ними победу.
И песню хвалы нам Мать воспела,
та красная птица, которая принесла
в дома пращуров наших огонь.
Как ягнят, раскидали мы готов,
которые хотели одолеть нашу силу,
и разбежались враги,
но мы им гоньбу псиную
не стали устраивать.

Погляди, народ мой,
как ты богат и многолюден,
и не расшибся от раны твоей,
и не позволил установить такой порядок,
когда бы враги тобой помыкали
и над бедой твоей тешились,
но предпочел жить по-иному:
грады поставил и не отступился от них,
а враги потерпели тяжкое поражение.
И так живем полторы тысячи лет,
и выстояли во многих битвах и сечах
с теми, кто живет дико,
принося в жертву юношей и девиц.

Дощечка 7в

Тогда не бывало иначе,
и ныне так будет.
Встретим достойно врагов
и отразим их,
откуда б они не явились —
Слева иль справа.
Мы первыми званы под стяги отцов наших,
которые суть незабвенны,
и, уверенные в своей правоте,
гордо приходим на стогна свои
и говорим: «На греков пойдём,
и не бывать по-иному!»
Как молвили, так и будет,
ибо Ясунь и Интра идут с нами,
как шли с отцами нашими
на ромеев в Троянову землю.
И нелепо было бы,
если бы наших воинов
варяги повели туда,
куда мы способны вести их сами.
Тысячу лет бились
с ромеями, готами и сурожцами,
которые к ним примкнули.
Никогда не забудем,
как готы, соединясь с гуннами,
выступили против нас.
И Галарех вторгся от полуночи,

а гунны — от полудня.
И тут плакали русколань-борусы:
«Если не гунны одолеют нас, то готы».
Тут Русь воздвигла свою силу
и гуннов отразила,
подчинив край антов и Скифь Киеву.
Что же ныне обливается сердце наше кровью!
Почему с утра до вечера ходим,
изроняя слезы о судьбе нашей,
нет, мол, нам счастья в жизни!
Будем же верить,
что час придет
и встанем на сечу с врагами,
будь то греки или гунны.
Будем хомутать и стреноживать их,
чтобы не стояла вражья мерзость
пред очесами нашими.
Галарех уже поплатился.
Принудим и Корсунь
заплатить за слезы
дщерей наших полоненных,
за сынов, в рабство уведенных.
Будет же та плата
не сребряна и не злата —
главами отсеченными,
во щепу разнесенными.

Дощечка 7г

Итак, возрадуемся лишь тогда,
когда забрешет псина греческая,
лиса хитрющая,
воротя нос от травы нашей,
которую ей суждено есть,
пока солнце вертится.

То — мечта наша.
Да осуществится она,
и да минует нас то, что случилось
спустя тысячу триста лет
от исхода Карпатского:
Аскольд коварный пришел к нам,
и согнулся народ мой от лада с ним,
поверив, будто добро творить
идет он под стяги наши.
И захвачены мы были врагами.

Могуществен Сварог наш,
а не боги чужие,
и мы не просим у Сварога ничего,
кроме смерти.
А смерть нам не страшна —
если сказано:
«Се Сварог зовет нас»,
то мы идем к нему.

Вот так же идём,
когда Матерь-сва
запеваёт песнь ратную.
И мы ту песню слушаем,
дабы самим не есть травы
и Скифь нашу не отдать грекам.

А те-то воины скифские
нам камни разгрызают,
ибо зубы имеют
твёрдые и острые.
Те-то воины скифские
говорят нам: «Мы — звери,
и рыкаем в ночи на страх людям,
которые зовутся греками».

А когда нас спросят народы:
кто мы есть!
достойно ли отвечать:
«Мы люди, не имеющие угла,
и правят нами греки и варяги»!
А что мы ответим детям нашим,
которые будут нам вечным упреком,
видя очами пленение наше
и прося есть!

Так соберем же дружину
под стяги наши и воскликнем:
«Раз не имеем еды и жилищ,
то добудем на поле брани, братия!
Если победим греков — будем сыты,
а если не победим — яства нам не потребуются».

Матерь-сва запеваёт над нами.
Предоставим же ветру
наши стяги трепать,
а комоням степью скакать,
да прах поднимать военный за нами,
а врагам предоставим одно — подыхать.

В тот день первая битва была,
пало двести мужей, убиенных за Русь.
Вечная им слава!
И встречает нас побежденный народ:
«Мы лишились своих бояр,
придите нами владеть».

Дощечка 7д

А да справим тризну славную по врагам,
а налетим соколами на Корсунь,
да заберем яства, и добро и скот,
но греков полонить не будем.
Они ведь считают нас злыми,
но мы добрая русь
а не сила темная.
Это греки чужое берут,

и говорят, будто добро делают.
Да не будем такими, как они.
Один вождь у нас — Ясунь,
и во имя его потщимся на труд наш,
и победим врагов до единого.
Как сокопы нападём на них
и бросимся на борьбу сильную.

Если Матерь-сва воспевает во Сварзе
о подвигах ратных,
мы идем из домов своих
и течем на врагов,
дабы ведома им была
русского меча сечень-молния.

Не скажем:
«Если мы выступили первыми,
то не надо спешить».
Но скажем:
«Если не поспешим,
то не будем первыми».
Стремительно наступай,
ибо кто скор, тот скоро обретает славу,
а кто медлит, тот слышит,
как, насмехаясь над ним,
враны каркают и куры вкочнут:
«Нет у нас говядины.
Не станут ли ею русичи!»
И то иным научение,
дабы знали, что с нами Правь.
А Нави не станем бояться,
ибо Навь не имеет силы против нас.

Итак, помолимся богам
о помощи в трудах ратных наших,
на которые мы потщились,
и Матерь-сва всплеснет крылами,
благославляя на труд ратный
и воспевая славу воинам,
которые испили воды живой
от Перуницы в сече жестокой.
И та Перуница летит к нам
и рог даёт полный воды живой
для жизни вечной храбрецу нашему,
который меча вражеского удостоился
и главу от удара его утратил,
Нет, не смерть имеем от гибели в бою,
но жизнь вечную,
ибо каждый из нас
за братьев своих сражается.

Дощечка 7е

А тот, кто умрет, в луга Свароговы придет,
и там Перуница ему скажет:
«Ты ведь ни кто иной, как русич храбрый.

Ты ни грек и ни варяг,
а сам славен и роду славного.
И он пойдет, слыша песнь Матереву,
и Мать-сва проводит его
до лугов тех Сварожевых великих.
И скажет ему Сварог:
«Иди, сын мой, к той красе вечной,
и там узришь ты предков своих: деда и бабу,
и будет у них радость и веселие,
когда они увидят тебя.
Ведь донныне они горько плакали,
а теперь им пришло время возрадоваться
о жизни твоей вечной до конца времен,
а когда воскреснешь — неведомо».

Как воины Ясуня, мы имеем иную судьбу,
нежели греки, и имем славу иную,
и потому мы достигнем рая нашего,
и узрим цветы красные,
и деревья и луга,
и будем снопы вязать,
на полях тех жатву свершив,
и ячмень полоть, и пшено, просо собирать
до закупа Сварожьего.
Все это — богатство нетленное,
по сравнению с земным,
которое во прахе,
и в болях и страданиях.

И да будет мирным день его вечный.
А мы здесь встанем на место его
и будем биться сурово,
а надо будет — падем за славу
и уйдем туда же, куда он.

То ведь Мать-сва бьет крылами
о бока свои, с обеих сторон,
и возжигает свет на нас.
У нее всяко перо разное:
снаружи — красное, черное, синее,
изнутри — желтое и серебряное, златое и белое.
И сияет она, как солнце царственное,
а над головой — Ясунь-радуга
о семи цветах, о семи красках,
что завещаны от богов наших.
И Перун, видя ее, гремит в небе ясном.

Такова честь, которой мы удостоиваемся
и которая нам силу дает.
Да узрим сие, и отсечем старую жизнь нашу
ради новой, как секут дрова в рубе
в доме огнищан простых.

Мать-слава бьет крылами вокруг нас,
и мы идем под стяги наши,
под стяги Ясуня.

Дощечка 7ж

Пусть же будет каждому ведомо:
где сбирался русский род до десятка,
а с десятка до ста,
и вставали те сто против тысячи,
там попадали вражьей головы,
полегли там злые полчища,
и звери хищные пожрали сдохнувших.

Текут на Руси реки великие,
и журчат воды их многие,
напевая песнь стародавнюю
о боярах тех, не боявшихся
ходить в поля готские
и много лет бившихся
за вольность русскую.
Те-то воины славные никого не щадили
и своего живота не берегли.
Так скажи о них, Берегиня!
И крылами бьет Мать-сва,
повествует потомкам о тех,
которые ни грекам, ни варягам не поддались;
рассказывает та птица
о гордых борусенах,
которые пали от ромеев
около Дуная, возле Троянова вала.
И, справляя тризну по ним,
Стрибовы сыны пляшут,
о них плачутся осенью,
а зимою студеной
курлычет о них журавль степной.
Голубка-девонька, и та воркует,
как погибли они во славе,
не отдав земли своей врагам,
но оставив ее сыновьям своим,
а также нам, потомкам их сынов.
И не лишит нас земли нашей
ни варягам, ни грекам.

Вот идет к нам заря красная,
словно жена благая,
и млеко дает нам
в силу нашу и крепость двужилную.
Та ведь зориня солнце возвещает.
И вот что мы про то слышали:
вестник-комонь скачет к закату солнца,
чтобы управлен был его чели злат к ночи
и чтобы были готовы волы смиренные
волочь воз по степи синей.
В этот воз ложится солнце спать в ночи,
а иначе если бы день пришел,
то стоял бы вечно.
И обратно комонь скачет
как раз перед вечером,
и говорит солнцу,
что воз и волы готовы

и ждут его на Млечной Стезе:
«То млеко заря пролила в степи синей
и тебя позвала, чтобы ты поспешило».

Дощечка 7з

Так мы сказали:
«Есть у нас красный венец —
вера наша,
а воедино собраться не можем,
словно чужие».
И князь наш промолвил:
«К Ясуню надо идти, боярове,
чтобы хранимыми быть от врагов,
покуда не поздно,
а поздно бывает лишь после кончины.
И да устроим силу нашу
по образу Матери-сва-Солнца:
тело в середине,
с обеих сторон раскинута крылья,
а глава на раменах —
Ясунь в венце славном.
И не лишится в сече
главы своей Ясунь,
и убережет ее до последнего дня».
И когда Щек ушел на закат солнца
с воинами своими,
а Хорив забрал своих воинов,
то оставшаяся часть их людей
поселилась с русами,
и стала нераздельная семья,
и все вместе образовали Русколань.
Кий же сел в Киеве,
и все подчинились ему.
И все мы доселе
силу Руси составляем,
а если будет нам иная сила,
не пойдем под нее,
останемся с Русью,
поскольку она есть мать наша,
а мы есть дети ее,
и будем до конца с нею.

Дощечка 7э

Там ступает Перун
и, потрянув золотыми кудрями,
сеет молнии во Сварзе синей,
и от этого Сварза твердеет.
Матерь-слава поет
о свершениях ратных —
кто послушает песнь,
жаждет брани суровой за Русь
и за наших отцов пресвятых.
Матерь-слава сияет

в облаках, словно солнце,
возвещая победу нам, либо погибель.
Но гибели мы не боимся,
ибо здесь наша жизнь — жизнь земная,
там же вечная жизнь предстоит.
И мы будем стремиться к жизни вечной,
ибо земная против нее — ничто.
Мы на земле, словно искры,
вспыхиваем и гаснем во тьме,
словно нас на ней никогда не бывало.
Востечет наша слава к Матери-славе
и пребудет во оной
до конца века земного и иной жизни.
Не боимся мы смерти,
ибо мы потомки славян,
и Дажьбог нас родил
чрез корову Замунь,
потому и зовемся мы кравичи.
И скифы, и анты, и русы,
и борусены и сурожцы —
все в предках имеют Русского Деда.
И все мы, пять народов,
доселе идем к небу, к Сварзе синей.
А римляне остались в прошлом,
не захотев войти в нашу семью.
Что можно сказать о них! —
Хоть и доблестны были,
но погибли.
Не плодились они с нами
и вымерли, как неплодные,
от которых ничего не остается.
А о тех не ведаем вообще,
которые назывались костобочками.
Они ждали помощи от неба,
а сами не желали трудиться.
Ждали одного, а случилось другое:
поглотили их иллирийцы.
А мы так скажем:
всякий вправе жениться,
и будет подобие ему.
Так поглотили мы иллирийцев,
и готов не осталось никаких.
А дулебы, происходящие от нас,
превратились в борусь.
Чистых иллирийцев теперь мало,
не надо путать их с ильмерами,
которые сидят возле Ильмень-озера —
венеды-то пошли дальше,
а ильмеры остались там.
Но и их теперь мало,
да и те называют себя полянами.

Бьет крылами Матерь-сва
и поет песни про сечи.
И та птица не есть Солнце-царь,
но от оногo восстала она.

Дощечка 8

И начались у русов
распри и усобицы.
И Желя встала между ними,
и начала плакать
и выговаривать им:

Да не пойдем по этому пути,
ибо там ждет нас погибель,
и может наступить такая пора,
когда от нас ничего не останется.
Вспомним отца Орея —
при нем был единым род славянский.
У отца Орея было три сына —
при них разделились славяне на три части:
на русколань, венедев и борусов.
Потом венедеды разделились на две части,
то же было у борусов —
и они разделились надвое.
И скоро вместо одного рода стало десять.
И начали каждый себе грады городить
и те грады обустроить.

Что же с нами станет,
если будем делиться без конца!
Только Русь единая может быть сильною,
а не разделенная на десять частей.
Наши роды и семьи, делясь, скудеют,
а враги многократно крепнут
и нападают на нас.
Сможем ли обороняться от них!
И не говори, будто имеешь
столько же, сколько отец Орей,
если имеешь десяток коров.
Сгинешь ты от врага малого.
Учи это.

А пребудешь в роде до конца,
твои десять превратятся в тысячу,
когда ты оглядишь коров,
пасущихся во степях.
Вот ты говоришь много словес
о родичах своих,
а считаешь сам себя выше пращуров,
и тем самым Орею-отцу вред творишь.
Не будем поддаваться такому соблазну,
ибо не своим следом пойдем.

После Галареха остались готы
на полуночи и там исчезли.
С тех пор, как увел их Дитрех,
ничего о них не ведаем.
И пришли к нам берендеи
и стали жаловаться,
что языги их притесняют,
идя по стопам гуннов.

И сказал им Белояр: «Потерпите».
И вот пошли мы на языгов,
и было нас пятьдесят тысяч,
и напали на них неожиданно,
и побили языгов,
раскидав во все стороны,
словно валежник,
и взяли коров их и говядь,
и дочерей и юношей,
а старцев истребили сплошь.
И гордимся мы, русичи, походом нашим,
ибо держались один за одного,
бились до смерти правой.

Но помним мы и Дория Паршивого,
который напал на нас
и побил нас, воспользовавшись
нашей раздробленностью и усобицей.
А потом варяги Рюрик и Аскольд
уселись на закорки наши
и омерзели нам до предела.

Мы — потомки рода славянского,
который пришел на Ильмень-реку
и осел там задолго до готов.
И прошла тысяча лет,
и потекли на нас кельтов железные полки,
но, встретив сопротивление наше,
повернули на заход солнца,
ибо твердая рука держала нас.
И мы того Одриела угостили мечами
и страх навели на чресла его,
навсегда отвадив от земли нашей.
А ильмеры на то лишь глядели,
они ведь доселе никогда не сражались,
и сгнули ни за что, ни про что
не могущие поступать по-иному.
Ильмеры не хотели
железо брать в руки свои
и обороняться от врагов,
а таковые роды иссякают
и на их место приходят другие.

Гром громыкает в Сварзе синей.
Мы летим на врагов,
как ласточки борзые,
и сеют громы и молнии
мечи новые русские.
И мечту имеем ныне такую:
чтобы Степь Скифская
была нашей.
Кто они, которые бродят там и злобятся,
и отнимают коров наших, там пасущихся,
и жито наше отнимают!
Кельты вчерашние
суть нынешние варяги и греки,

последние называются также эллинами.
А те, кто не домысливает
до сути ихней,
подобны отрокам,
которые шли биться за землю русскую,
а стали биться между собой.
А иначе не встали бы пред врагами на карачки,
не дали бы врагам охомутать себя
и в телегу запречь,
и везти телегу туда,
куда хочет чужой властелин,
а не туда, куда хочет идти сам.

Жаль великая с Карной тому,
кто не уразумеет сии словеса,
и гром ему небесный,
чтобы повергся долу
и не восстал вновь.

Владыка наш един есть:
Хорс и Перун, Яр и Купало,
Лад и Дажьбог.
И когда Купало приходит в венце,
который возлежит на главе его,
сплетенный из ветвей зеленых,
из цветия и плодов,—
в тот час будем далеко от Днепра
и далеко от Руси скакать,
о смерти нашей не думая.
И жизнь наша на поле красна!

Бьет крылами Мать-сва-слава
и зовет нас идти на сечу,
и мы идем.
И нам ни до еды-брашна,
ни до тука смачного —
предстоит нам спать на земле сырой
и есть траву зеленую,
покуда не будет Русь
вольна и сильна.

В тот час, когда готы
пришли от полуночи с Германрехом,
пришли и гунны.
И так получилось,
что мы имели двух врагов
на двух концах земли нашей.
И тут Белорев пред трудами великими
усомнился, не зная, как быть.
Но Мать, летящая в небе, сказала ему,
чтобы прежде напал на гуннов
и разбил их,
а потом повернул на готов.
И он, сделав так, разбил гуннов,
а потом повернул на готов
и поверг сына Германреха
и умертвил.

Дощечка 8 [2]

Прилетела и села на древо,
и запела чудесная птица.
Нет у нее одинаковых перьев,
вся сияет цветами разными,
и в ночи от нее, словно днем, светло
И поет она песни о битвах и сечах,
в которых дрались мы с врагами,
и, слушая, мы вспоминаем о том,
что отцы наши, сущие ныне
во Сварзе синей, взирают на нас,
и отрадно нам сознавать,
что с отцами мы неразлучны.

Молим о помощи бога Перуна,
и вот видим:
скачет во Сварзе
всадник на комоне белом
и вскидывает меч до небес,
и облака рассекает с громом.
И течет вода живая на нас,
и мы ее испиваем,
ибо все, что исходит от Сварога,
ради жизни нашей течет.
И мы пьем, припадая к источнику
жизни божеской на земле.

А тут и корова Замунь
в синее поле идет
и траву поедает,
и молоко дает.
И то молоко до хлебей течет
и звездами светит над нами в ночи,
и мы видим, как сияет то молоко:
то — Млечный Путь, путь правый,
а много не должно иметь.

Да знают потомки о славе отцов
и хранят в сердце своем Русь,
которая есть и пребудет нашей землей.
И мы должны защитить ее от врагов
и умереть за нее.
Так день умирает без солнца жаркого,
и наступает темень,
а имя ей — вечер.
А когда умирает вечер, наступает ночь.

В ночи Велес идет во Сварзе
по млечу небесному,
идет он в чертоги свои,
и на заре садится у врат,
и ждет начала песнопений,
славящих Велеса от века до века
и храмину его, которая блестит
огнями многими и огнями частыми.

То Велес научил праотцев наших
землю пахать и злаки сеять,
и жать, и снопы вязать в полях страдных,
и ставить первый сноп во огнище,
почитая его как отца божеского.

Слава отцам и матерям нашим,
которые научили нас вере нашей
и вели за руку по стезе правой.
Так и будем идти по ней,
а не будем идти — станем хлебожравцами,
а не славянами-русами,
которые богам славу поют,
отчего и называются славянами.

От морских берегов Готского моря
шли мы до Днепра
и не видели, чтобы еще кто-нибудь
там бродил, кроме русов —
ведь те-то гунны и языги отброшены.
Так приглядим же себе боярина,
который бы нами возгордился
и сплотил нас воедино.
А то ведь от утра до утра
видим, как злое деется на Руси.
Ждем мы, что будет добро,
но добра не будет,
если силы свои не сплотим
и единую цель пред собой не поставим.

То глаголет вам глас праотцев.
Внемлите ему, ибо иного пути нет.

Пойдем же в степи наши
и будем бороться за жизнь нашу,
как люди гордые,
а не скоты бессловесные,
ничего не ведающие.

Вот идет зорья красная,
и камнями драгоценными
все убранство ее унизано.
Мы от сердца ее приветствуем,
как и подобает русичам.
А греки о богах наших не ведают
и клеветуют на нас по невежеству.
Мы имеем имя славы,
и славное имя свое оправдаем,
пойдя на полки их железные,
а на мечи-то ведь медные.
И достанется нам слушать славу ту,
а эллинам убежать достанется.
Пусть бегут и расскажут иным о русах:
русы не убивают,
если нет в том нужды,

греки же враждуют ради похоти своей;
те-то русове хотя и суровы,
но голодному хлеба подадут,—
не то, что греки, которые только берут,
да еще злобятся на дающего.

Тут орлы славу клекочут
налево и направо
о том, как русичи вольны
и сильны во степи.

Дощечка 8 (3)

Когда наши пращурь
Сурож сотворять начали,
греки гостями приходили
на торжища наши —
выгоды поискать
и землю нашу поглядеть,
и посылали к нам множество юношей
дома строить и грады
для меня и торга.
А сегодня мы видим их воинов,
вооруженных мечами и одетых в броню,
Скоро же они нашу землю
прибрали к рукам своим
и установили порядки иные,
нежели были у нас.
Взгляните:
греки праздны,
а славяне трудятся на них.
И так наша земля,
которой мы владели четыре века,
стала греческой,
и оказались мы, как псы,
и погнали нас скоро
каменьями вон оттуда,
и земля та теперь огречена,
и надо нам вновь добыть ее,
и кровью нашей полить,
чтоб, истощенная греками,
вновь она стала родить.

Летит во Сварзе Перуница
и несет рог славный,
изопьем его до конца
и силу обретем
одолевать врагов наших.
И та Перуница вещает:
«Да какие же вы русичи,
если проспите пахоту свою —
тот день,
когда должна начаться битва!»
Так Птица-царь возвещает,
и идет русам весть о том,
что им предстоит делать.

И когда пойдем в край свой,
то ударим о стену ту
и пробьем дыру
для нас и для наших,
и будем вновь у себя в день тот.
А кому судит Перун,
тот будет в раю
вкушать яства вечные
от Сварога одесную.
Нет, не погиб он ныне,
и нет у нас иных врат,
чтобы войти в жизнь вечную.
Лучше мертвыми быть,
чем быть отроками на чужбине,
ибо никогда не живет отрок
лучше деспота и его слуг.

Так послушаемся наших князей
и пойдем в землю нашу,
как они нам повелевают,
и та Интра придет к нам,
чтобы сохранили мы силу да здравие
и стали еще тверже,
и воинов своих ободрит,
и сила божеская будет с нами,
и будем несокрушимо на поле стоять.

Принесем жертвы богам своим,
ибо все в их руках,
и поглядим,
какая жертва угодна богам,
а какая должна быть на землю брошена,
чтобы стать прахом кровавым.
Если уж мы кельтов бивали,
то греки стоят половину их,
ибо не имеют силы той.
Они — что бабы:
и мечи у них тонкие,
и щиты легкие,
и быстро они выдохнутся
и побросают их на землю от слабости,
ибо нет им помощи от василевса,
и должны они сами становиться на защиту свою.
Сурож нашим был,
и нашим будет.

И пусть никто не слушает их болтовню,
будто они дали нам свою письменность
и мы, якобы, ее приняли.
А расскажем свое воспоминание:
был некий иллириец,
который хотел учить детей наших,
и должен был прятаться в домах наших,
чтобы никто не узнал,
что он учится у наших детей нашим письменам
и как нашим богам требы править.

Итак, поведал я вам,
что победите вы греков,
поведал так, как узнал о том от Ясуня.
И видел я Кия, отца нашего,
и он сказал мне,
что мы уничтожим их
и снесем Корсунь,
откуда исходит вся мерзость,
и станем великой державой
с князьями нашими, градами великими
и несчетными полками железными,
и будут неисчислимы потомки наши,
а греки уменьшатся числом
и будут на минувшее свое дивиться
и качать головами.
И будут на них грозы многие
и громы гремящие,
и лишь одна гроза минет,
начнется другая.
Итак, победив до конца,
утвердимся на многие века
благодаря богам.
И ничто нас не поколеблет.
Встаньте, как львы, один за одного
и держитесь князей своих,
и Перун будет с вами.
Слава богам нашим
до конца концов века земного!
И пусть благоденствует Русь,
отеческая земля наша.
Да будет так,
ибо сии словеса от богов

Дощечка 8 [27]

и станут они нашей клятвой,
а иначе будем сырыми и нищими,
и иные железные полки натекут
и нашу Интру низвергнут.

Ныне Аскольд и Рюрик
по Днепру ходят
и люд наш созывают в свои дружины.
Но мы, будучи потомками Орея,
не пойдем с ними.
То будет нам во учение,
и уразумеем ошибки наши,
а иначе станем рабами.
Вот Аскольд воинов своих
посадил на ладьи
и идет загребать иных,
а с теми идет на греков,
да разоряет их грады,
да жертвы творит богам в земле их,
но те боги не истинные,

ибо Аскольд не русич,
он — враг,
и имеет цель иную.
Он русскую честь попирает.
Но кто злое творит — тот погибнет.
И Рюрик не русич,
он — лис хитрый, крадущийся по степи
и побивающий гостей иных,
которые ему доверяются.

Сходим на старое погребение
и там послушаем,
как дышат пращурьы наши
под травой зеленой,
и там уведем,
как быть и за что идти.
А то ведь родичи стали спорить,
кому старшим быть,
который заботится об отцах
и праотцах умерших,
который от них происходит,
а который простого рода.
И такая великая свара одолела русов,
что поньне пребывают
разъединенными и разрозненными.

Вот так и греки
из земли своей изгнаны,
ибо не нашли силу
сплотиться в единый круг,
а каждый стал сам по себе.

Погляди на соседей своих
и не принимай веры их.
Вроде бы идут мужи на сечу,
а на самом деле идут воспать,
ибо начинают свариться
во время похода,
выясняя, кто из них благородный,
а кто издревле черного рода.
И чем больше говорят и витийствуют,
тем дальше от цели похода,
от отцов своих.

Так вот и Русколань
пала ниц пред готами
и озверевшими гуннами.
И тогда Киевская Русь
сотворилась и поньне стоит.
А готы, устрашась,
пошли вон из нее к северянам.

Как известно, есть два северских племени:
одно — венеда, а другое — готы.
И те готы пребывают доньне,
и те готы усилились,
считай, в два раза,

а венеда ослабли
в те же два раза.
А рядом с ними находится жмудь,
племя литовское,
называющее себя ильмы,
мы же называем его ильмеры.

Дощечка 9а

О тот час был Богумир, муж славный,
и имел он трех дочерей и двух сынов,
которые водили скот в степи
и там жили во травиях,
с отцом советуясь,
ибо были богопослушны
и разумом наделены.
И вот мать их, именем Словуня,
которая творила для них все необходимое,
сказала: «Мы есть семья Богумирова,
и должны дочерей своих выдать замуж,
чтобы внучат узреть».
Так сказала она,
и запряг Богумир повозку,
и поехал неведомо куда.
И доехал до дуба, стоящего в поле,
и остановился ночевать у огнища своего.
И увидел вечером
мужей трех на коможах,
к нему стремящихся.
И сказали они:
«Здрав будь! А и что ищешь?»
И поведал им Богумир тугу свою.
А они же ответили,
что сами — в походе,
дабы найти себе жен.
Вернулся Богумир в степи свои
и привел трех мужей дочерям.
Отсюда три рода пошли,
и славны были.
Отсюда произошли
древляне, кривичи и поляне,
ибо первая дочь Богумирова
имя имела — Древа,
а другая — Скрева,
а третья — Полева.
Сыновья же Богумиrowы
имели имена:
старший — Сева,
а младший — Русо.
От них произошли
северяне и русы.
Три же мужа были три вестника:
Утренний, Полуденный и Вечерний.
Утворились роды в Седьморечье,
где мы обитали за морем,

в краю зеленом,
и где скот разводили издревле,
до исхода с Карпатских гор.
И было то лет за тысячу триста
до Германреха.

А о тот час была битва великая
на берегах моря Готского.
И там праотцы наши курганы насыпали
из камня белого,
под коими погребли бояр
и отцов своих,
в сече павших.

Дощечка 9б

Пришли из края зеленого
на море Готское,
а туда уже притекли готы,
чтобы нам путь перегородить,
и мы бились за землю ту,
за жизнь нашу.
А до того были отцы наши
на берегах моря по Ра-реке,
и с великими трудностями
переправили через Днепр
своих людей и скот на иной брег,
и пошли к Дону,
и там готов увидели,
шедши на полудень,
и Готское море увидели,
и готов узрели, которые стояли,
измечившись против нас.
И так вынуждены были биться
не на жизнь, а на смерть,
ибо гунны шли по следам отцов,
и нападали на них,
людей побивая и забирая скот.
И так род славян тек до земли,
где солнце в ночи спит,
где травы много на лугах тучных,
а реки рыбы полны,
и где никто не умирает.
Готы же пришли в край зеленый,
немного опередив отцов.
А Ра-река велика есть,
и отделяет нас от иных людей,
и течет в море Каспийское.
И вот муж роду Белоярова
переправился на ту сторону Ра-реки
и предупредил там синьцев,
идущих ко Фрягам,
что гунны сидят на своем острове
и ждут гостей,
чтобы обогнуть их.
Было это за полста лет до Алдореха,

а то и еще раньше,
и был род Белояров сильным,
и гости искали защиты от гуннов
у мужа Белоярова,
и сказали, что дадут ему
два кононя сребра и злата,
если он проведет их мимо гуннов.
И избежали они грозы гуннской.
А потом шли гости мимо готов,
и те также зарились
на пряжу и на перлы,
и не счесть было их кононей,
и пришлось гостям платить дань второй раз.
Так что гости-купцы, текшие к нам,
вернулись в землю Синьскую
и не приходили уже более никогда.

Дощечка 10

Богумиру же боги
дали блага земные,
и на смену ему
пришли иные,
которые наречены
старейшинами рода,
ибо князя издревле
суть наши отцы.
Кто избран раз,
тот будет князем долгое время,
и те, кто наречены вождями,
пребудут ими до конца,
ибо обретают мужи
мужество свое от родителей
и передают потомкам своим,
чтобы и те правили честно.
А после Богумира
был Орей с сынами своими.
И если бы гунны
великую распрю не затеяли,
сотворил бы Орей с сынами
великую землю свою.
А так ведь ушли вон оттуда на Русь.
Ныне настал иной час.
А возьмемся, братия, за узды
и потянем вперед,
и не будет речено,
будто и мы оставили землю нашу
и поимели иную,
но да скажут,
что сильно мы бились за себя.
О, русичи! не уступите грекам
землю вашу,
а бейтесь за свое отечество!
И будет Ра-река границей,
отделяющей нас от иных земель,
И ныне возжаждали враги наши

идти на нас.
Так сразимся же
во имя внуков наших,
да удержим степи наши
и не отдадим землю иным.
Если же поступим иначе,
то не палить нам дубрав
под поля свои,
не сеять на тех полях,
и не жать жниву во поле.
А чтобы иметь степи травные
и скот водить, оберегая,
оберегая оный от врагов,

Дощечка 11а

прежде всего Триглаву поклоняемся
и славу ему поем великую.
Первым хвалим Сварога, деда божьего,
ибо он есть начальник рода божеского
и всякого рода студенец вечный,
который летом течет от истоков своих
и зимой никогда не замерзает.
Испивая из него воду живую,
мы живем до тех пор,
пока жизнь не подходит к концу.
А после кончины к Сварогу мы убываем,
в луга его райские.
Далее богу Перуну-громовержцу,
богу распрь и борений, так говорим:
«О, Жизнь Являющий!
не переставай вращать Круг жизни
и продолжай вести нас
стезею правую на битвы
и на тризны великие о всех павших,
которые уходят в жизнь вечную
после полка Перунова».
И богу Святовиту славу возглашаем.
Он — бог Прави и Яви,
и мы посвящаем ему песнопения,
ибо он — свет истинный,
через который мы видим свет зримый.
Он дарует нам бытие в Яви
и от Нави нас оберегает.
Ему хвалу мы поем,
поем хвалу и пляшем,
и взываем к богу нашему,
который солнце светлое
и звезды над землей держит,
сотворяя свет немеркнувший.
Слава Святовиту великому,
слава богу нашему!
Чтоб очистились сердца наши,
отречемся
от злых деяний наших
и к добру устремимся.

Сему учению, отроче, внимая,
воскликнешь: «Устроение божеское
уму непостижимо — все разделено
и вместе с тем нераздельно!»
Да уразумеем
великую тайну сию.
Сварог есть Перун,
и в то же время — Святовит,
а те оба содержатся в Свароге.
И двойники — противоположные друг другу
Белобог и Чернобог — тоже Перун,
и тех тоже Сварог в себе содержит,
ибо оные святые
не могут существовать поврозь.
А кроме тех двух святых
Хорс, Велес и Стриб в нем содержатся.

А по-за ними:
Вышень, Лель, Летич.

Дощечка 11б

Радогощ, Коляда и Крышень.
И сих содержит Сивый Яр — Сварог,
и Дажьдбога в себе
и иных, которые суть:
Белояр, Лад, Купало,
Сенич, Житнец, Венич,
Зорнич, Овсенич, Просич,
Студец, Ледич и Лютец.

После тех:
Птичень, Зверень, Милич,
Дождич, Плодич, Ягодич,
Прелич, Тростич, Клещич,
Езерич, Ветрич, Соломич,
Грибич, Лович, Беседич,
Снежиц, Странич, Святич,
Радич, Светич, Крович,
Красич, Травич, Стеблич.

А за ними:
Родич, Маслич, Живич,
Ведич, Листвич, Цветич,
Водич, Звездич, Громич,
Семич, Липец, Рыбич,
Брезич, Зельнич, Горич,
Страднич, Спасец, Листовержец,
Мыслич, Гостич, Ратич,
Бранич, Чурец, Рудич.

А тут и Огнебог, Семаргл,
божество всеяро, борзорожденно, очистительно —
то суть три главы разные
и вместе с тем нераздельные.

И тут, отроче, откроешь врата оные
и войдешь во оные —
то есть красный рай славянский,
и там Ра-река течет,
которая отделяет Сварзу от Яви.
И там Числбог считает дни наши
и говорит богам числа свои:
пора, мол, дню кончиться,
а ночи — наступить,
чтобы все уснули,
ибо всяк бодр во дне божеском,
в ночи же никто —
один лишь Бог-Дед-Дуб-Сноп наш.

Слава богу Перуну Огнекудруму,
который вержет стрелы врагам во вред,
а верных ведет стезею побед.
Воинов судит и чествует бог Перун,
ибо всеправеден, милостив и златорун.

Дощечка 12

Пока солнце сияет,
поем хвалу богам
и огнищу-Перуну,
которого называем погубителем врагов;
и возглашаем великую славу
отцам нашим и дедам,
которые во Сварзе за нас сражаются.
И возглашаем так трижды.
Потом идем, ведя стада наши на травие;
если в одной степи травие съедено,
перегоняем скот на другое пастбище.
Хвалу богам вознося,
славу поем.
И так — до полудня.
И возглашаем славу великую
Хорсу, злато колесо вертящему,
и суриану пьем.
И так — до вечера.
А вечером, когда огнища сложены,
зажигаем их
и славу вечернюю поем
Дажьбогу нашему,
которого называем прадедом нашим —
благодаря нему лечимся
и очищаемся.
И, омовение сотворив,
отходим ко сну.
А там многого не объяснить нам...

Дощечка 13

Сие умное изречение,
пусть храброго укрепит.
Когда пойдет он на восход солнца,

то увидит реку слева и реку справа.
Пусть он осядет там,
где Матерь-слава укажет,
где Матерь-слава укажет,
обеими своими крылами
осенив его.
Да обретет он землю ту
и защитит оную от восхода до заката,
против гуннов и готов
обратив стрелы свои
и мечи отточенные.

Дощечка 14

Когда к нам приходят врагами,
мы берем мечи и дерзаем.
Нам от Матери-славы возвещано слово,
что будущее наше славно,
и на смерть мы идем,
как на празднование.
Но с незапамятных времен,
когда, как рассказывают,
храмы наши еще находились в Карпатах,
мы радушно встречали гостей —
арабов и иных,
приходивших к нам в старое время,
ведь гости Радогощем чтимы.
И с тех дней заведено у нас
гостей встречать с честью.
Боги их чтили и нам повелели,
и мы чтим оных,
в свой черед исполняя наказ
не делать гостям худого,
чтобы не уронить чести отцов.

Не перстами праздными пишем на древе —
не таковы наши руки:
утружденные от орал своих
и мечами добывавшие независимость нашу,
они повелевают нам
идти на границы наши
и стеречь их от врагов.
Се ведь дымы, воздымаясь,
текут до Сварзы,
и это означает тугу великую
для отцов, деток и матерей наших.
То значит — час борьбы пришел,
и мы не имеем права
баять о других делах, кроме этих.

Се ведь варяги пришли на Днепр
и захватили там землю нашу,
и подчинили людей,
и землю под челны свои взяли.
На то согласиться можем не иначе,
как мечами нашими.

Отбросим Рюрика от земель наших
и турнем до мест,
откуда пришел.
Ибо если границы наши
врагами окружены
и землю нашу попирает враг,
то таков наш долг.
Иной же рати не ищем.

Вот иной враг, Германрех,
пошел на нас от полуночи.
Он, внук внучатый Отореха,
бросил на нас воинов своих
с рогами на шеломах.
Варяги сказали нам: «Идите под нас».
И не стали мы воевать против них,
хотя они такие же враги, как и готы,
и нет между ними разницы.

А тут и языги пошли на нас от Танаиса
и Тьмутаракани с мощной конницей
и ратью неисчислимою.
И тьма за тьмой потекли,
и все они текли на нас.
И не на что было нам надеяться,
как только на волю божью.
И удесятерились силы наши,
и потекли мы на них.
Сам Белобог повел наши рати и конницу.
И тут увидели мы волшебников,
в лесах обитающих,
которые пришли на битву и взяли мечи;
и узрели мы кудесников,
чуды великие творящих:
из перстов их, поднятых к Сварзе,
рати вставали небесные,
и текли они на врагов
и поглотили их;
и еще узрели мы птицу великую,
летающую к нам
и низвергающуюся на врагов —
то бьет крылами Матерь-сва
и кличет нас,
чтобы встали мы за землю нашу
и бились за огнища племени нашего.

О, русичи!
Теките, братья наши,
племя за племенем,
род за родом
и бейтесь с врагами на земле нашей,
которая принадлежит нам
и никому иному.
Здесь и умрите,
не отступив ни на шаг.
Пусть вас ничто не страшит —

ничего с вами не станется,
ибо вы в руках Сварожьих
и он ведет вас во всякий день
на витязенства и гординства многие.

Дощечка 15а

Когда Стар-град поник,
пошли на Ильмень-озеро
и там сотворили град иной — Новь-град,
и в нем пребудем.
И тут Сварогу-первопращуру молимся:
«О, Род Роженич,
просим твоих крынь,
Ты, Дуб-Корень, Хлеб наш,
Сварог, свет сотворивший,
есть бог света
и бог Прави, и Яви и Нави».
Оных имеем во истину,
и сия истина наша
перебарывает силы темные
и благовествует о том,
как праотцы в бытность свою поступали.
О сем да уведем,
как, принеся в жертву комоля белого,
изошли они из края Седьморечного,
с гор Иранских и Загория,
где обитали век.
Итак, спустились они с гор
и пришли в Двоеречие
и разбили живших там своей конницей,
и потекли в землю Сирийскую
и там остановились.
Потом шли горами великими,
где вечно зима и льды,
и притекли в степи,
и пребывали там со стадами своими,
и со скифами бились.
Тогда была впервые Правь речена.
Отцов наших и праотцев
поддержала она в битве великой
и силы дала им отразить врагов.
Не став жить там после битвы той,
ушли в горы Карпатские,
И там строить начали пять князей
и грады, и села огнищанские,
и торжища великие.
И потеснены были

Дощечка 15б

готами.
Кий же был сначала на западе,
и оттуда ушел на восток,

и дошел до Днепра-реки.
Там Кием был утверждён град,
который стал славянам новой родиной
Поселившись там,
огнище сотворили Дубу и Снопу,
каков есть Сварог, пращур наш.
И вот раз напали враги
на нас, недавно осевших,
чтобы крови славянской испить.
И рати свои устремил Кий на них.
И увидел он во Сварзе
воинство небесное, Перуново,
которое низвергалось на врагов.
И потрепали силу вражескую,
и бежали враги до Онеги,
показывая зады свои.
И там племена онежские
напали на них,
и сеча была великая,
и покосили их до последнего.
И наши рати, увидев то, сказали:
«Се боги наши жнут врагов наших».

И вот Вышень грядет к нам
на облаках и молвит:
«Дети, идите в град ваш
и укрепите его,
иначе сами будете посечены.
Будут иные враги,
и борьба ваша будет суровой и крепкой.
А меня послал к вам Сварог,
и потому видите вы силы небесные
слева и справа от вас.
И велел передать вам Сварог:
кто пренебрегает богами,
тот оказывается пред врагами».

Дощечка 16

Велесову книгу сию
посвящаем богу нашему,
который есть прибежище силы.

В оные времена был муж,
который был благ и доблестен
и наречен был отцом Руси.
И имел он жену и двух дочерей,
и были у него стада коров
и много овец.
И жил он во степях,
и никак не мог найти мужей
для дочерей своих.
И потому молил он богов,
которые радость несут просящему.
И Дажьбог услышал мольбу ту

и по молению дал ему измоленное,
которое тот ожидал.
И вот пришли мужи к нему
и ему поклонились.
И оба стали ему сынами.

Ты, бог Велес, отче наш!
К чему стремимся,
то поймеем от бога нашего,
и ему скажем хвалу.
Будь благословен, Вождь наш,
ныне и присно и во веки веков.
Как говорят кудесники,
что испрошено, то обряцется.

Дощечка 17а

И то были два князя:
Славен с братом своим Скифом.
И была распря великая на востоке.
И Славен сказал Скифу:
«Уйдем с Дуная в землю Ильмерскую».
Но Скиф сказал, что он уже стар
и страшится оставить сына своего.
Славен с ильмерами ушел на полуночь
и там свой град утвердил.
А брат его Скиф остался у моря.
Был он стар и имел сына Венета.
А после него был внук Кисек,
который владел степями полуденными,
и много там у него было скота.
И началась распря великая,
зарились на его землю со всех сторон:
от Дуная до гор Русских
и до гряды Карпатской.
И решил он воздвигнуть вал
вокруг земли своей,
чтобы иметь опору
и врагам отпор давать,
разить из-за него оных
и отражать от себя.
Посоветовался о том со своим родом
и, созвав вече, сказал:
«Единой сотворите землю нашу».
И стояла земля так пятьсот лет.
А затем начались между русичами усобицы,
стали они враждовать и силы тратить,
стали жить в суете и безлании.
И тогда пошли враги
на отцов наших от полудня,
и бились со Скифской землей
за побережье морское и степи,
и отошли на полуночь,
и сговорились с фрягами о том,
что фряги дадут им помощь.

И вот Скифское отечество
сразилось с силами врагов
и потоптало оных.
И то были гунны,
впервые тогда на Русь вступившие,
и в тот раз были они отбиты.
Это — знак того,
что должно иметь и творить ныне.
И се поймеем

Дощечка 17б

и сотворим.
Будем же хранить
сии степные горбы,
как отцы наши и праотцы,
которые горбились
ради степи своей,
и травы свои и цветы хранить умели,
кровь свою проливая.
Неужто Волянн нашу оставим врагам?
Потому и Волянн, что валом обнесена,
наткнутся враги на него и преставятся.
И все грады наши будем ставить,
окружая крепостным валом
[по-иному — колом, то есть колесом,
откуда иное название земли:
Колунь, или Голунь].
Как отцы наши делали,
которые встарь бились за землю,
все на окарачки встаньте,
на лоно ее падите
и любите ее,
и смерть на ней примите
и насыпьте ее еще во одежду,
ибо грядет такой день,
когда не будем иметь, куда притулиться.
И скажем так:
«Как отцы наши, будем бороться».
А если потерпим поражение,
Перунец придет к нам
и поведет нас,
и сколько есть праха в земле,
столько будет воинства небесного,
и будут нам подмогой
рати, сходящие с облаков на землю,
и се Дед наш Дажьбог
во главе их.
И чтобы он не одержал победу,—
такого мы не помним,
и то доселе не может быть.
Обратимся же с молитвой к богам нашим,
прося поспешить нам на помощь
и дать победу над врагами могучими.
Еще и еще молим о том,

потому что земля наша потоптана
стопами ног вражеских.
А мы взираем на то,
пребывая каждый на валу своем,
и не течем на оных иначе,
как если кто справляет нужду,
и не уворачиваемся от ранений,
наносимых врагами,
и не убиваем оных,
напавших на нас.
Скажем же так вам,

Дощечка 17в

как сказал в давнее время
оный Кисек людям своим:
«Сей же час нападите на них!»
И те воспылали ненавистью к врагам,
и потекли на оных
и потоптали их.

Имеем пример такого мужества
и не можем явить его ныне,
будто и в самом деле немощны.
Нет, есть у нас силы,
ибо нас много,
а врагов не столь много,
сколько есть и еще есть русичей.
И враги не сочтут нас,
ибо где пролита кровь наша,
там и земля наша.
Пусть враги то ведают,
и пусть они того страшатся,
и то будет страх смерти,
ибо побьем их так же,
как в старое время отцы наши.

Вновь и вновь произносим слова те,
чтоб хорошо запомнились
и чтоб ни единого слова
из тех слов не утратилось.
И так говорим мы братьям нашим:
«Сила божеская да будет с вами,
и победите вы врагов ваших до конца.
Кто хочет земли вашей,
набейте ему полон рот земли,
и пусть он лакает ее,
пока не прохватит его понос.
И не вздумайте прощать
иначе будете не достойными славы
сынами своих богов,
и сила их не пребудет с вами,
и до конца не победите,
и чрево свое не насытите хлебом,
ибо ниву пожжет огонь вражеский,

и коровы ваши и прочий скот
тоже будут терпеть тугу.
Вот те, которые свои,
а вот те, которые не наши,—
харалугом грань проведем,
отсечем их от полудня борзо,
и будем сильны,
станем выше врагов наших».

Дощечка 18а

Посмотрите вперед —
и увидите птицу ту
во главе вас.
И та будет вам
для побед над врагами.
Где увидим ее —
там и победа.
Вот красуется она пред нами
и влечет к себе всеми цветами.

И было так во иное время.
Русичи шли с венедами,
чтобы богов своих
утвердить у моря
и там угнездиться.
И были там грады и помолния,
и было в них много образъ,
которые суть божества поганские.
И те помолния украшены были
златом и серебром.
И многие сих деревянных богов
стали чтить, поддавшись искушению,
и иным проповедали,
чтобы и они созерцали те образá
и молились на них,
что перечило вере нашей.
И там не желали
родичи наши упокоиться.
Приходили туда и арабы,
и торговали на торжищах,
и наживали богатства,
продавая рабов-отроков.
И та земля исповедала еще
мерзость, распри и зло вживе.
И потому отошли мы
в горы Карпатские, к Кию.
Но и там было также
враждование со злыми язычниками.

Споем же, люди русские,
о славных днях сих.
А имеем спевы те
от отцов наших —
о красной жизни во степях
и о славе отцов.

Се воевода Бобрец,
приведший русов в Голунь,
по смерти обрел чин Перунь
за храбрость-гординство.
Мы не забудем о том никогда.
И поскольку есть мы сыны отцов наших —
да будем иметь любовь к их памяти,
и будем говорить о них,
ибо они — сила наша,
и сила та идет к нам
от их жививы — тянется и тянется,
свиваясь, как нить.

Вот говорим мы, что существуем

Дощечка 18б

благодаря тем,
которые заботились о нас,
но не сотворим им даже молитвицы.
И сказать-то о том престыдно!
А ведь то — родники,
где вода живая течет,
и то — обло, небо, есть,
и волки хищные не ходят там.

О волке сказав, сейчас же Олдореха вспомним.
Звался он еще Жравец — Обжора.
Не имел он радения о степях,
и слова своего не держал,
и красавиц наших брал он нагло и похищал.
И так возводил он между нами распри,
и бились мы из-за готов друг с другом,
потому-то и жили, будучи под готами.

А в те времена правились мы
от рода и князя.
И был у нас князь Боревлень,
который разбил эллинов
у берегов морских.
После битвы пошли мы туда жить,
и разводили там скот,
и скифам давали пасти скот во степях,
потому что были те степи скифские.
Но грецколане, севшие по Нови,
грады городили и злобились на нас.
И мы тогда ушли прочь на полночь,
и там были двести лет,
и там пребываем от часа того донныне.
И ныне имеем мы иного князя Боревлена,
правнука от деда своего.
И он сказал:
«Идите на полудень, на грецколанов.
Греки ведь между эллинами племя особое.
Торгуют они в степях скотом нашим,

а у нас берут его задаром.
Стерегите оных от Нови до моря
и гоните до своих краев,
ибо земля та — русская,
и русская кровь в том краю
на землю лилась,
и земля та пила кровь нашу,
на нас возлагала надежды.
И ту обороним днем,
которую понмели утром».

Дощечка 19

Се видел я наяву:
явились огненные облака,
изошел из них змей чуден,
и обвил землю,
и потекла кровь из нее,
и он стал лизать ее.
И вот пришел муж сильный,
и разорвал змея надвое,
и стало два змея.
Разорвал он и этих двух,
и стало четверо.
И вот возопил муж
к богам о помощи.
И те спустились
на комонях со Сварзы,
и того змея убили.

То — сила нелюдева,
нечисть черная:
змей тот суть враги,
идушие от полудня,
от Босфора,
позабыв, как деды наши
рати их побивали;
то греки хотят
обвить нашу землю,
но мы не дадим,
ибо они не наши,
и не допустим,
чтоб змей тот сотворил
погибель на нас,
и животы положим
за землю нашу.
Она ведь протянулась от нас
до полян и дреговичей,
все стяжала Русь
до морей и гор,
до степи полуденной.
Все то — русы суть,
и от русов только
примем помощь,
ибо они внуки Дажьдбоговь.

Молим Отца Дья,
чтобы он дал огонь,
который Матерь-сва-слава
принесла на крыльях своих
отцам нашим,
и ту песнь поем
у костровища вечернего,
поведавая старыми словесами
славы наши
о святом Седьморечье нашем,
где грады отцов наших порушены,
и земля та опустошена,
и мы в землю иную ушли,
которую и по сей час держим.

Издравле Голунь была нашей.
И грады, и села, и огнища
в этой земле утворили.
Омоем же телеса и души наши,
да будем иметь чистой Русь-Голунь,
которая сильно бьется
и на врагов страх-ужас наводит.
Те ведь от Кисенева приходят,
там земля их есть,
в одном дне пути от нас...
Они же творят иное,
чтобы нас с нашей стародавней
земли прогнать.
Видим мы это
и руку с мечем наготове держим,
чтобы ведали,
что суровый день грядет
и крови хочет.
И ту прольем
за землю свою Русскую...

О, Русь гордая!
Камни вопиют к нам
грясти и сразиться до смерти.
Теките, сыны мои,
и умрите за нее!

Дощечка 20 (обломки)

1. ...так же идучи, птицы
конницу останавливали,
и врагов крылами накрывали
и клевали их в головы...
2. к счастью, явился тот конник
и, ум истягнув,
обров начал в кровь посекать —
то ведь выехала колесница Перунова...
3. ...делал же он так потому,
что хотел добыть победу нам...

4. ...и в тот же день приносили мы жертвы,
и были они, словно овцы,
бегущие перед нами...
5. ...скифы и сурожцы — родичи,
десять сот лет вместе скот пасем
и землю пашем,
и грекам вырощенное нами поставляем
в обмен на свадебные подарки детям...
6. ...Велес научил землю пахать пращуров,
и мы так же делаем...
7. ...потому бросаем во огнища травы
и скликаем всех Велеса славить...
8. трижды Русь погибшая восстанет...
9. гунны доселе секли нас,
от иных краев нарыскивая,
а ныне... здесь...
10. ...как восстать им в сей раз...
11. так старая распря опять возникла,
и опять нам все отравила...
12. многие племена шли в степи наши...
13. от стрелы не бывает шума...
русь есть едина...
14. возопили к Сварзе,
прося помощи божеской...
15. гремят мечи, не слышны гласы...
16. и не стало единения...
17. напрягли отцы силы свои...
18. сказали они детям:
«Бегите в кущи...»
19. ибо будет злой час...
20. почнем грады окремлять,
ибо защиты они не имеют...
21. ...срама не помеем...
22. и тут Перун впереди,
и низвергся на оных...
23. тут ведь слава великая,
и, возвещая ее,
Матерь-сва крылами бьет...
24. так враги побежали от нас...
мужи суть простые... как львы...

Дошечка 21

Оборот храбрец
ту силу злую,
опоясавшись доспехами,
которые предохраняют от ран.
Вот так же и храмы богам ставим:
городим стены дубовые,
а за ними возводим другие стены,
и там храним богов наших.
Есть подобные храмы многие
в Нове-граде на Волхове-реке,
и в Киве-граде по Боголесью,
и на Волыни
имеются дулебские храмы,
и в Сурожье,
на море Сурожском и Синем.
Но великая нам обида,
что храмы сурожские
осквернены врагами
и боги наши низвергнуты,
во прахе валяются.
А у русичей нет силы
подерзать, врагов вытеснить,
ибо мы изранены,
подобно страннику-мужу,
который шел в ночи по лесам
и изодрал одежды свои в клочья.
Так и мы, русичи, имеем лохмотья
на телесе русском.
Не бережем мы его
и тщетно в храмах славим богов,
ибо не приемлют они жертвы наши.
Сии обиды от нашей ленности и лжи.

Птица Матерь-сва
славу жещет на нас
и молит нас о том,
чтоб отцову славу множили.
А мы не имеем дерзости
подняться на рать
и мечами своими
взять землю нашу,
врагами отеченную,
которую тысячу лет и триста
хранили святые наши.
И ныне жены наши говорят,
что стали мы как блаженные
и утратили разум наш,
и стали мы
как овцы малые пред оными,
и не смеем облачиться в броню
и мечем разить врагов наших.

Се Купало грядет к нам,
и речет нам,

чтоб имели стать гордую,
чистые телеса и души наши.
И падем к стопам его,
чтобы шел он с нами
и нас хранил,
ведя на битву суровую.
А если погибнем,
предстанем пред ликом Сварзы,
и все, на сечу шедшие,
восхвалим богов наших
как за битвы, так и за мирные дни.
И вот Купалец нам молвит,
что удостоимся часа того
и будем во славе своей чтимы
и ко отцам сопричислены.

Дощечка 22

А еще расскажем
про квасуру —
как узнали от богов тайну
приготовления сурыни.
Она есть жажды утоление,
ибо вкушаем с медом
радость о богах.
И радуемся, и пляшем,
венки подбрасывая до Сварзы,
и воспеваем славу богам,
сотворивши квасуру.

Итак, был муж силен,
от богов вразумлен,
и пришел к нему Ладо
и сказал ему:
«Ввергни меда в воду
и проквась на солнце,
сура утворожится
и начнет бродить,
и претворится в сурицу,
ее-то и пей во славу божескую».

И звался муж тот,
велим много познавший,
отец Благомир.
И получил он от Сварзы поучение,
как сотворять квасуру,
еще же называется она — сурыня,
и существует во радость нашу...
И мы имеем ее всякий день.
А как жатву завершим,
особо возрадуемся.
Поднеси человеку сурыню
и погляди:
если кто не воздержит
естества своего

и начнет говорить безумною,
то это от Чернобога;
а если кто имеет
истинную радость,
то это от Белобога.
Так вот и различаем
друзей и врагов...

Будем ковать мечи наши
во утверждение силы,
да поймеем силу божескую
отражать врагов наших
со всех сторон.

Тот Благомир
наречен Святырем,
ибо боги ему прорекли о славах,—
что должны они быть такими,
каким именовали боги нарекли их,
и должны уставить роды свои так,
как боги предопределили роды
и родителей тех родов.
Так же, как и Сварог есть отец,
а прочие суть сыны
и покоряются ему,
так и мы покоряемся родичу,
который есть отец роду.

И есть два рода:
от Кия и от князя Кисека.
Последний после битвы с готами порушился.
Оставшиеся Русколань покинули
и к Кию притекли,
и сели на земле его,
а иные остались там же,
где жили до нашествия врагов
и где оборонялись от них.
Итак, было лет тысяча триста
от Кия-отца,
триста лет — от жизни в Карпатах
и тысяча лет — от Киева-града.
Иная часть ушла в Голунь
и там осталась,
а другая — в Киев-град.
И первые есть русколане,
а другие — киевляне,
которые сурень чтят,
за скотом ходят
и стада водят
десять веков по земле нашей.

Голунь же была град славный,
и триста градов сильных имела,
а Киев-град имел меньше:
на полудне десять градов
и весей и сел немного.

И доселе пребывают
во степях всякие роды
и выращенное обменивают на полудне,
отдавая грекам в обмен
на золотые цепи, и кольца и ожерелия,
да окорока приносят
и обменивают на пиво, вино у греков.
И тавры овнов своих
обменивают там.
И, будучи на полудне,
русичи сотворили град сильный — Сурож,
какого не создать грекам,
а те его разрушить
и русь побить хотят.
Потому пойдем на них
и разрушим их поселения.
А греки — это эллины,
они враги русколанам
и враги богам нашим.
Грецколане не богов чтут,
а человеков, из камня высеченных
наподобие мужей.
А наши боги сущи во Сварзе.

Когда бились мы с готами,
то надевали они на главы свои
рога от волов и коров
и кожами обматывали чресла свои,
думая, что это устрашит русских.
А те обнажали срatchesа свои
и, оголя чресла, шли в бой
и побеждали.
И на сей раз оголенными
пойдем на брань и победим.
Грецколан — что агнец:
вонзим мечи свои,
и будет он быстро у Нави в яме,
которая ждет жертву свою в землю,
чтобы пить кровь его
и живот его умерщлять.
И той Нави он жизнь отдаст.

Дощечка 23

Новоярь произошла от стари,
где жили некогда русичи,
и ушли они на полудень
и там кочевали в степях
десять веков,
но остались такими же русами,
и так же избирали князей своих:
от родичей — князей рода,
от родов — князей племени,
каждому — князя своего.
А из князей избирали князя старшего,

и тот был отцом воинства.
И там жили в земле той,
пока враги не пришли к ним
и не разбили там оных.
Се грецколане пришли на землю ту,
и осели на ней,
и на Руси от них добра не было.
И вот те русы измечились,
и напали на них, и отбросили их
до самого берега морского.
Тогда грецколане привели рати свои,
в железную броню закованные,
и была сеча там великая,
и граяли враны, поедая мужей,
поверженных на поле,
и выклеывали очеса их.
Граяли враны, пиршествуя,
и великий грай стоял на поле том,
и выклеывали они очеса греческие,
а очеса русских не трогали.
Там ведь защиту мы имели,
ибо боги не хотят, чтоб русы сгнули.
И там сражались солнце с месяцем,
и небо сражалось за землю ту,
чтоб земля та не подлегла
под руку эллинскую,
а пребывала русской.
И там плакалась matka о детках своих,
которые пролили кровь на землю ту.
И та земля стала русской,
и новоярь пребывает там доньше,
и земля та пребудет нашей
от крови, мечами на нее пролитой.
И тогда сказали эллины
князю нашему старшему
и поклялись ему, что не будут
ни в землю новояров ходить,
ни брать себе в рабство русичей,
ибо хватит им морского побережия.
Да пусть служит нам примером,
как праотцы наши стояли на смерти
и не позволили врагам отнять нашу землю.
Этот пример — знамение того,
что и ныне никто ее не отнимет.
А тут и Германрех
пошел на нас от полуночи,
и вновь должны мы оборонять земли свои.
Так выступим против него,
ибо Готская земля — наша:
то Белогорье мы засеяли костями своими
и кровью своею полили,
и потому оно наше.

Се речет нам птица Матерь-сва,
и славу предрекает нам,
которую мы обретем мечами нашими,

когда пойдем во Святополье
и отразим врагов от полуночи,
и отбросим врагов от полудня,
и потечем на врагов идущих,
и будут они повержены русскими громами,
ибо мы отца нашего Перуна сыны
и Дажьбоговы внуки,
и Сварог указывает нам,
куда грядти, чтоб справиться с обоими.

И того Германреха оттеснили на полуночь,
а эллинов — на полудень.
И так собрали мы землю нашу воедино,
и не дали в обиду сынов своих,
ибо нет ничего дороже сынов наших.

Вот идет в степи наши
великое множество родов иных,
не дают нам жить мирно,
и неоткуда ждать нам помощи:
наша сила — в мышцах наших
и на остриях мечей,
которыми сечем врагов.

Се речет нам птица Матерь-сва,
чтоб воздели мечи свои,
защищая себя и ее.
Бьет она крылами оземь
и прах подъемлет до Сварзы.
Се враги на земле нашей,
и она бьет крылами,
страдая за нас.

Так подержаем же, слыша ее клич,
да звучит ее клич в сердце нашем,
повелевая суру испить и грядти на сечу,
где испробуем питье иное,
богами стварожденное,
и оно будет нам, как вода живая
в последний час тризны великой,
которую справят о всех,
кто умер за землю свою.

Сих же Сварожич узрит
со Сварзы своей чудной,
и, взирая на рати наши,
перстами рук пересчитывает оные,
если же не хватает перстов на руках,
считает их перстами ног своих.
И ведает пращур наш,
что мы — сила великая
и не смогут нас одолеть враги наши.

Итак, потечем на них и дождемся,
пока они не падут на землю
и не сдохнут от Мари и Мори-ведьмы.

И поклянемся в сердцах наших,
что не воротимся к своим огнищам
до той поры, пока враги рыщут,
и не дадим отдыха телесам нашим,
пока враги земли нашей ищут,
и молиться будем о том,
чтобы боги наши оберегали ее.
И будем радоваться, видя деток на копьях,
ибо предпочли быть убитыми в грудь,
а не бежать, повернувшись спиной к врагам.
Сих людей наших разверзнем
и натолкаем в них земли нашей,
чтобы держали ее до смертного часа
и Мари посмотреть дали, представ пред нею.
И тогда Марь отступится и скажет:
«Нет у меня силы той,
чтобы одолеть витязей русских».
И востечет слава до Сварзы,
и боги там скажут:
«Поскольку храбры вы, русичи,
то заслужили место себе
подле бога войны Перуна
и Дажьбога, отца вашего».

Дощечка 24а

И се грядет с силами многими
Даждьбог на помощь людям своим,
и мы страха не ведаем,
ибо как древле, так и ныне
он печется о нас,
и мы радеем о нем, как положено,
и ждем его в день сей,
ибо есть у нас место Воронежец,
заняли его готы
и русов там перебили.
Град тот малый сожжен был
после того побоища,
и прах и пепел его ветрами
развеяны в разные стороны,
и место сие остановлено.
Тем не менее земля та — русская,
и мы не отречемся от нее
и не забудем ее.
Там ведь кровь отцов наших пролилась,
и есть у нас право вернуться туда.
О воронежцах слава течет по Руси,
и служит она им наградою,
до кончины своей за Русь бившимся.
Погибель ведь сия — награда.
Отдали плату за князя своего,
и, сгорев за него в огне,
получили слуги награду особую;
да будут иметь еду и питье
после часа смерти своей,

ибо верно нам служили,
и многие сложили кости свои оболонь.
Такой участи удостоились анты
с князем своим Мезенмиром.
И поем мы славу богам,
отчего и наречены славянами,
никогда ничего не просим,
а только славим богов.
Сие моление творя,
омываем телеса наши,
и возглашаем славу,
а также

Дощечка 24б

пьем суру питную
во славу ту пятикратно в день,
и огнище возжигаем у Дуба,
и туда Сноп влечем,
и речем хвалу оным,
ибо есть мы Дажьдбоговы внуки
и не смеем охавать
славы нашей извечной.
Называли нас антами, русколанами,
но мы и древле были русами
и всегда пребудем оными.
А волюнь идет впереди,
побивая врагов,
ибо есть она самая храбрая,
и та волюнь есть первейший род.
И осерчала она на ворогов
и отомстила за антов Мезенмировых,
одержала победу над готами,
разметала их в разные стороны.
А за ними потекли гунны,
крови славян жаждающие,
и была та борьба суровая.
И соединились готы с гуннами
и с ними на отцов наших напали,
но были разбиты и уничтожены.
А потом пришли обры
и князя [Дыя] убили,
но и сии сыны Мора
отступились от Руси.

Боги русские не берут жертв
ни людских, ни животных,
но только плоды, овощи, цветы,
и зерна, млеко, суру питную,
на травах сброженную и меде,
и никогда ни живую птицу, ни рыбу.
А варяги и эллины
богам дают жертву иную
и страшную — человеческую.
А мы этого не делаем,

ибо мы есть Дажьдбоговы внуки
и не желаем красться
стопами чужими.

Дощечка 24в

Жертва наша — сура медовая
о девяти сил и щавеля содеяна,
и на солнце на три дня ставлена,
а потом сквозь шерсть-волну цежена.
И то будет жертва наша богам истинным,
которые суть наши праотцы,
ибо все идем от Дажьдбога,
и стали славяне от славимых богов наших.
Никогда мы не просим,
не молим о благе своем —
сами боги рекут нам:
«Пусть блага нисходят на русь,
а на врагов — никогда».
Мать-сва-слава поет нам,
воспевает победы над врагами,
и мы верим тому,
ибо то слово птицы вышней,
во Сварзе возросшей, долетает до нас...

Вот избрали мы князя нашего —
да будет, властвуя, пещься о нас.
А если придет враг на границы наши,
то дальше границ не пройдет,
ибо у врат — сам Перуныкко.
И тот Сноп знает,
что молимся о славе
и никогда не просим иного,
и никогда не требуем
жизни праздной.

Се видим отца нашего Орея,
к облакам восходящего, небесами восхйщенного,
и восхйщенного силой небесной
до Перуныковой кузницы.
И взирает там Орей,
как Перуныкко кует мечи на врагов,
и, выковывая, говорит ему:
«Это стрелы и мечи против воинов вражеских,
и не смейте бояться их,
ибо изничтожу их в пух и в прах,
и кметы их будут не больше перста ближнего.
Если земля обгажена зверьем,
то будут они,
словно поросята, умазаны брением,
и смрад понесется от следа их,
и будут говорить о них,
как о смрадных поросятах и свиньях».
Так говорил Перуныкко,

выковывая мечи,
и Орею то сообщил,
а Орей поведал то отцам нашим.

И такова была борьба наша за жизнь,
таково было наше витязенство
много веков назад,
что ныне даже не верится.

Дощечка 24г

Шел я от тиверцев
и до Синего моря,
и от Сурожа до вас,
чтобы рассказать вам,
как сам о том ведаю.
Се — старая земля наша
с ополня антова.
От многой крови,
на нее пролитой,
стала она русой,
ибо кровь-руду льем
от рождения до кончины.
И произошли от земли нашей
славянские племена и роды,
ибо славим богов,
никогда же не просим,
а только славим силу их,
и величаем также
пращура нашего Сварога,
который был, есть и пребудет
вождем нашим
от начала веков и до конца.

Дощечка 25

Итак, расскажу о Карани.
Был такой град малый
на берегах моря Русского,
и был там князь,
который собирался эллинов побить
и отогнать от Руси.
И удеал он рать пешую и конную,
и повел на них и победил их.
И эллины плакали в печали
и просили взять с них дань.
И та дань была с них взята
овнами, ферязью и вином.
А эллины знали,
что русские пьют много,
и решили воспользоваться этим,
чтобы напасть на них и победить их.
И вот грядут волхв в ферязи

и брат его Словен
и так говорят русским:
«Не зарьетесь на дары те».
Но русские не послушались
и напились вина.
В тот же день эллины
напали на них и разбили их.
И погибель ту видя,
русские отошли в степь,
там опомнились,
силы свои собрали
и пошли обратно на эллинов,
и разгромили их.
Се боги дали им дерзость
и руки их укрепили,
чтобы они одержали победу.
Вот бьются враги
и так говорят:
«Как овец, раскидаем вас,
и будем сами краями теми владеть,
ибо красны суть оные,
и не отдадим их».
Мы же Триглавам молились —
Великому и Малому.
И вот Триглавы наши остяжили нас
и борзо поскакали на комонях,
врагам поражение творя.
И мы увидели,
как боги овладевают ими,
и еще увидели,
что мертвы они суть и убиенны богами.
И нам от них принимать крещение!!
И видели мертвые телеса многие,
сколь велика сила Перунова
низверглась на них
и побила их.
И Сварожича ошую те текли,
которые принесли победу нашу
в руках своих роду славному,
славу отцов держащему
и донныне на поле
побеждающему врагов своих могучих,
И се Жаля жалуется над врагами,
и Горыня горюет о смерти их,
от руки божеской павших.
Се Карна плачется
о мертвых тех,
которые встали на тропе божеской
и умерли.
И поля те полны
мертвыми костями и главами отсеченными,
и членами, от телес отрезанными,
во травин валяющимися.
И смрад идет от полей тех,
и враны летят туда
мертвые очеса долбать

и поедает мясá мужские —
много нарублено...

Се сказал Орею Сварог наш:
«Поскольку есть я Истворец,
истворю вас из перста моего,
и будете наречены
сынами Истварега,
и станете как сыны Иствареговы,
и будете как дети мои,
и Дажьбог будет отец ваш,
того достойно послушаться,
и он вам скажет,
что иметь, и что делать,
и как говорить, и что творить.
И будете народ великий
и завоюете весь мир,
и потолчете роды иные,
которые истягают силы,
из камня чуды творя —
без комоней повозки,
и всякое деют чудное
помимо кудесников,
и всяк из них будет приходить
под видом кудесника
и, ругу творя, заклинать кметов,
и кметы порабощены будут,
ибо таковы словеса многие и многие,
и те словеса обманут вас,
и попадете во власть златой монете,
и за те деньги продадите вы врагам жен своих.
Так и иные боги вам скажут».
И дал Орею завет:
«Любите свет, зелена и животных,
и любите друзей своих,
и будет мир между родами».
И сподобились быть таковыми
семьдесят князей наших:
Межислав и Боруслав,
и Комонебранец, и Горислав
и другие, избранные вечем
и отлученные вечем,
если люди не хотели их.
Все те князья много трудились.
Особенно велик и мудр был Кисек,
а когда он умер, были иные,
и каждый творил нечто благое для Руск
Память наша удержит тех,
кого должны мы славить
трижды на всякой тризне,
и да будут чтить память их
сыны наши,
и пусть никто не запамятует,
иначе проклят будет
богами нашими и человеками,
и люди имя его охают навеки.

Дощечка 26

Некогда жил Оседень-огнищанин.
Муж сей был благ,
и боги дали ему
овец много и другого скота,
пасущегося во степях,
и были те степи при травнях многих.
И боги давали его скоту
приплод добрый и умножение.
И однажды предстал пред очами его
муж-странник и сказал ему:

«Пусть сходят сыны твои
в землю ту и края чудные,
где заходит солнце.
Там солнце спит на одре закатном,
и прибегает комонец к нему и говорит:
«Солнце, гляди, солнце,
до луга твоего синего,
а я поскачу к повозке твоей
и встречу тебя на востоке».
И, молвив так, скачет комонь
на другой край неба.
А вечером скачет близнец его,
другой комоньщец, и говорит,
чтобы солнце заходило за горы
и воз свой злат не оставляло,
потому что воры хотят его похитить.
И тот близнец-комоньщец
ускачет на другой край неба.
И тогда заря идет
и ведет звезды свои,
и одеяния Дажьбоговы трясет,
и звезды текут до края небесного».

Сказал это муж-странник,
и вот два сына
пошли на закат солнца
и увидели там многие чуда
и травы злачные,
и, вернувшись к отцу, рассказали ему,
сколь красен край тот.
И тогда многие племена и роды
изрешили отправиться
в то же лето этой тропой.
И пришли все к Оседеню,
и он сказал: «Орей-отец
с сынами своими будет начальник
для всех родов».
Но не все согласились на это,
и разделились они на две части.
Сей князь Оседень
повел своих людей на полудень,
а Орей повел своих в край морской.
И были там зной сильный и пески многие.

И дошли до гор,
и там осели на полвека,
а потом, собрав конницу великую,
пошли в землю чужую,
и встретили на пути своем воинов,
и одолели их в битве,
и были разбиты те воины.
И тогда пошли дальше,
и видели земли теплые,
но пренебрегли ими,
ибо много чужих племен там сидело,
и пошли дальше.
Се боги вели их,
как людей своих.
И так дошли до гор великих
и, сразившись там с врагами,
пошли дальше...

Неоднократно вспоминая об этом,
мы как бы следуем за своими,
и так же, как отцы наши, очищаемся
молитвой, омовением и умыванием,
молитвы творя о чистоте души своей и телес,
ибо Сварог установил
те омовения и купания
и тот наказ мы не смеем нарушать.
Так омоем же телеса
и умоем дух свой
чистою водою живою,
и будем трудиться всякий день,
молитвы творя и суру испивая,
как и прежде делалось,
и ту суру испиваем пятькратно в день
и хвалим богов наших за ту радость,
что сура есть млеко наше,
которое на пропитание наше и корм
исходит к нам от коровы Замунь.
Тем и живем, что травы злачные
увариваем до млека,
и каждый вкушает часть свою.
И уходит.

Скажу вам, сыны мои,
что не надо страшиться времени,
которое есть предстоящая вечность.
Там узрим мы пращуров своих и матерей,
которые блаженствуют во Сварзе,
и там стада свои пасут,
и ниву свою жнут,
и жизнь имеют, как и мы здесь.
Там нет ни гуннов, ни эллинов,
никто, кроме Правы, не княжит там,
и та Правь есть истина,
ибо Навь совлечена,
Явь же дана и пребудет
от века до века Святovidова.

И сè Зарь-бог идет в краю том
и рассказывает о пращурах наших,
как они жили на земле,
как страдали и ждали
избавления от зол многих,
а там они зла не имеют;
и травы зеленые встречают их,
и встречают шелестом своим
о воле божеской и счастье людей тех;
и видят они степи райские во Сварзе,
степи синие,
и та синь исходит от бога Сварога;
и Велес выходит пасти стада их,
и текут стада на злаки и воды живые;
и никто не имеет собственности в краю том,
и рабов никаких нет там;
и жертвы иные у них,
ибо хлеба не имеют:
виноград, и мед и зерно
приносят они в жертву во время молитв.
Воистину так.

Возгласим же славу богам нашим,
которые суть отцы наши,
а мы их сыны,
и будем достойны их
в чистоте телесной и души нашей,
которая никогда не умирает
и не умрет в час смерти телес наших.
И павшему на поле брани
Перуница дает воды живой испить,
и, испив ее,
возносится он во Сварзу на комоне белом;
и там Перунько его встречает
и ведет во благие свои чертоги;
и там пребудет он до часа того,
когда обретет телесо новое;
и будет жить в радости
присно и во веки веков,
о нас молитвы творя.

Дощечка 27 (обломки)

5. и боярина Сегеню,
который убил сына Германреха,
а отрока Гулареха ранил...
6. ...Олдореху дань платили...
7. ...после Германреха
пошли готы на полуночь,
и пришли к нам, и в рабство...
брали и отроков неволили,
злое творя...
...русы пали,

а враги набрасывались на нас,
волочили воинов и травили...
...а ныне русы вольны,
и живем так...
...ибо русы воспряли
благодаря вере своей...

8. ...оградили землю русколане...
...и потекли отцы в леса Воронежские...
...на готов всею силою, и разбили их...
9. ...били их и во времена Конореха,
от которого произошли двое:
Олдорех и праправнук Готорех,
он же есть прадед Германреху...
11. ...в то лето побили там готы Германреха,
и они озлобились на нас,
и была тут борьба великая,
и готы были потеснены и отброшены
до Дона и Донца;
и Германрех вино с нами пил,
«любые братья степные» — нам говорил,
воинов наших в походы водил...
12. ...был час, когда шли на нас
готы с гуннами,
которые поддерживали Германреха.
И мы имели двух врагов
на двух концах земли нашей.
И был Белорев в затруднении великом.
Тут Матерь-сва, в небе летящая, сказала,
чтобы прежде на гуннов напал,
разбил их, а потом повернул на готов.
Там ведь и повергли мы сына Германреха,
и умертвили отца. И тут Гуларех,
13. друг наш, пил кровавое вино,
и после того в одно лето
пошел с мечем на нас.
И тогда Белорев сказал:
«Разгромим готов!»
И так сделали, как сказано.
Встали мы, чешую защитную
набросив на главы свои,
словно встали на ту борьбу
за жизнь нашу
железные полки отцов наших;
и колесницы конные были силой нашей...

Дощечка 28

«Раньше мы вас не просили
вернуться назад,
а теперь говорим: возвращайтесь,

ибо грады наши
в тяготах сечевых».

И ответил им князь Бравелень:
«Окажем помощь граду градову,
поддержим воинами своими,
да сохранит оный силу русов.
В единении — гроза врагам».

Воистину так.

Се жмудь сообщила нам о готах,
которые, провозгласив князем Дитреха,
пошли на полуночь
и там, у жмуди, повернули на полудень
и пошли на ромеев,
и разгромили легионы их воинов,
и взяли с них ругу великую,
и вторглись в землю их,
и там Дитрех убиен был Одокрехом.

Готы ведь те богам противились
и всячески их оплевывали,
и ущемляли наше достоинство,
и не смели мы избирать
старейшин рода нашего,
а были над нами их правители.
И мы приходили к ним,
и они нам повелевали,
чтобы мы, как рабы-отроки,
выполняли любую работу,
и мы труждались на них,
слезы проливая.

Вот бьет крылами Матерь-сва
и возвещает нам
о трудном часе засухи
и море скота.
Да уведем реченное от праотцев,
как кельты помогли им,
и сами они пошли к ним,
и целых сто лет
была им помощь от них,
а также от ильмеров,
ибо те ильмеры — наши родичи.

«О, Род Роженич!
Имей нас в сердце, отче,
и сохрани нас от врагов,
дай нам низвергнуть их ныне», —
так молим богов о заступничестве.
И если будет небо ясное,
значит боги за нас,
и поведут нас они, отцы наши,
сквозь горы и степи, мимо готов,
и мы изопьем Дону,

той реки нашей,
ибо проливали кровь нашу
за ту землю,
и та есть земля русская,
и будет русской,
ибо поимели ее русичи
как дар Сварожеский,
и мы сотворим труд наш о жизни.

И се жмудь сказала нам,
что придет нам на помощь
и поддержит нас
в борьбе против врагов наших.
«Корысти же не имеем никакой,
но просто заботимся о вас».

И так я сказал:
«Помогите борьбе русской
против врагов моих и ваших».

И в сей трудный час наш
не будем беречь себя,
а пойдем умирать за род наш,
и пусть огненная яма пожрет убиенных,
и враны выклюют очеса их,
и трава прорастет сквозь черепа их.
Пусть не узрим света белого,
если утратим
горы, и землю и силу нашу.
Да не будем ждать,
пока враги возьмут нас в рабство,
чтобы вместо комоной
тянуть плуги их,
и жито их веять.
Они будут есть хлеб,
а мы будем есть землю —
такое нельзя допустить
даже в мыслях.
И если не встанем на колени,
согнувшись до земли,
то боги наши одолеют врагов наших,
и сломят хребты их,
чтобы посягать не смели на жизнь нашу,
и не волочили жен и детей наших на торжища
и не продавали там эллинам и грекам
за обручи серебряные и золотые.

Се врагам скажем:
«Сгинете вы, словно тьма от солнца».
И се Перун потечет на воинов,
и расшвыряет воинов, словно овец,
и те, которые от Рима текут,
воинства Сварогова убоятся.

И се было нам знамение:
будто у Днепра зацвели лозы зимой.

Это Купал дал нам знамение
о победе над врагами,
и мы должны победить.
Пусть Марь идет на них и Мор,
пусть оба те отнимают силы их
и мечут под мечи наши.
И се мощь мечей отмежит их,
и межа та будет крови полна,
и не переступить ее ни им, ни нам.
Да будет так!

И се Боровлень сказал,
чтобы мы пошли к ним,
ибо то знамение предвещает,
что мы добьемся победы,
не зря же зовемся — венецы.

И сии венецы обитают в той земле,
где Солнце-царь почивать изволит
в ночи на золотом ложе.
И там есть земля их,
и Сварог-отец заботится о них,
как о братьях наших,
сущих в краю том.
И нам предсказано о них,
что притекут они к нам
в час зимний и поддержат нас.
И то сила божеская придет к нам
и будет поддерживать нас до конца.

Се — венецы.
Ступайте к ним и подмоги просите,
а если откажут, то не взывайте,
ибо всякий люд должен уметь
постоять за себя сам.

Дощечка 29

Поведем рассказ о бывшем некогда,
и да будет наше слово правдиво.
Итак, будем говорить правду,
и сказывать будем старыми словесами,
которые проистекают от отцов наших,
а отцы наши были сильными,
и нам должно следовать их браздою —
так вступим же на оную.

Вот Аскольд с варягами пошел на нас
Сей Аскольд — враг наш.
Он сказал нам,
будто идет защитить нас,
но это была ложь,
ибо он такой же враг, как и греки.
И вот вооружился Аскольд с варягами,
якобы охранять гостей эллинских,

которые ходили по Днепру-реке.
И пришел Аскольд к нам со кнутом
через двадцать лет после Алдореха
и захотел править нами.
А у нас был Дирос-эллин,
по прозвищу Смирный,
который сел на стол прежде него.
И Аскольд победил Дироса
и сел на место его,
ибо и Дирос был враг наш,
и мы не хотели его как врага.

Старые речения поведают нам,
что придут на Русь иные Аскольды
и что будет трое Аскольдов-варягов,
и те варяги сами себя пожрут.
Они не наши, а чужие князя,
да и не князя они, а воины простые,
но исхитили силу властвовать.
А за ними Рюрик придет.

Вспомним же, как орлы ромейские
потерпели поражение
от дедов наших в устье Дуная.
Тогда Троян напал на дулебов,
и пошли деды наши на его легионы
и разгромили их.
И было то за триста лет
до нашего времени.
И мы сие держим в памяти.
Потому не поддадимся Рюрику,
как прежде не поддавались иным.

Мы имеем князей своих
и дань им платим,
и платить будем до конца.
Ни ромеям, ни эллинам
не владеть нами.
На том и пребудем.
И дулебы говорят о нас,
как о братьях своих.
И то есть истинная правда,
ибо происходят они
от одного корня с нами.

Вспомним, как Троян
дедами нашими был разбит
и легионы его были взяты в плен
в полях наших
и там трудились на нас десять лет,
а потом были отпущены.

Пусть ромеи говорят,
будто мы варвары,
и пусть греки вторят им,
будто мы варвары.

Сами они хищники,
и оба-двое зарятся на землю нашу:
«Вот земля, которую мы возьмем
мечем и кровью».
Но и поныне есть та земля.
И сей Троян был за пятьсот лет до готов.
И так ныне скажем:
воля наша не перестанет
до конца жизни нашей,
и предстоит нам биться
за жизнь нашу мечами.

Се говорит вам хоругвь,
а хоругвь та от отцов.
И се есть просьба ваша к богам,
которые дают вам силу
и власть над землей вашей.
Умрем же в битвах с врагами!

Се была Воронеец-река, и град был.
И там отцы наши разбили готов.
Так же и мы разобьем вражеских воинов.

Собственную, земную, жизнь отдавая,
мы говорим, что будет у нас
жизнь иная, небесная.
И там Мать-сва-слава
пред нами идет,
которая дала огонь пращурам нашим.
И се щуры наши во Сварзе радуются о нас,
се отца Дья молят о нас,
и се Орей взирает на люд свой.
И мы не можем повернуться
спиной к врагам.

Се был в оный час Дирос,
и был он грецколанец,
и он исчез.
И пришли к нам Аскольд и Рюрик,
и вот мы молим богов:
«Избавите Русь от зла того».

Дощечка 30

Мы храним отца Дья,
который обычно отделен
от матери Протиевы
и соединяется с нею
при наступлении дождя.
Вот как сие происходит:
мы воздеваем руки до хлябей
и вызываем дождь,
который идет и насыщает,
и мы имеем жито наше,
и жнем его и снопы вьем на славу.

Сия Протиева — земля наша,
и мы храним ее,
как хранили отцы наши.

Итак, повенчаем Сварзу и Землю,
и справим свадьбу во имя того,
чтобы стал мужем творец ее Сварог,
а Протиева стала женою его.
И сие празднество устраиваем,
как в честь мужа и жены,
а мы есть дети их.
И так восклицаем:
«Будь здрава и счастлива,
и имей детей много,
и да восхвалишься.
И воду вбирая, будь многоплодной.
Вот даем тебе мужа, отца нашего,
и, обвенчанная с ним,
будешь полна плодов, и овощей и зерен.
И тот, кто радеет о тебе,
с избытком поимеет это.
И да будет так до конца дней».

То верные твои молят
о благах и милостях.
Да будет их жизнь усыщена
от свершения требы и приношения жертвы.
Требы и жертвы нужны для того,
чтобы от влажности твоей
дерзаться Вергун начал,
хлеб дающий,
в котором имеем нужду нашу
и о котором молим.

Сей Вергун в недре имеется,
по-иному же это Перунец,
тот самый, который повергает
врагов на хребетище,
и отсекает главы их,
и гремит в небе,
и низвергается на моря и пущи.

И вот зной течет борзо
в край чуждый,
и, пробыв там до часа,
который лишь отцу Дью известен,
измождитель идет воспать,
и набрасывается на нее,
и опалает ее.

И она молит богов
в той жали и горести,
и хлопочут боги
пред мужем ее Сварогом,
и он проводит руками своими по браде
и повелевает дождю
течь на землю с небес.

И перси усохшие
насыщаются по воле божеской,
и злаки, отвердев, становятся торчком,
и впитывают суру,
суру животворящую,
и полнятся силою зелена горькие и сладкие,
и сирень оживает и зеленеется,
и хлеб вырастает,
и мы собираем его в житницы наши
и там обмолачиваем.

Пора сказать, что Вергунец,
бывший в недре и упдающий на нас,—
это выросшие зерна и злаки,
из которых печем хлеб для еды
и которые оставляем для посева,
а из соломы сплетаем венки.

Расскажем, что делаем далее.
А далее зажигаем огонь сильный
и бросаем в него венки те.
Если огонь встает до небес,
горит ярко и с треском,
и это повторяется дважды и трижды,
то боги тем самым дают знать,
что любитесь жертва та оным
и они принимают ее;
если же огонь бледный,
значит, отвергают боги жертву ту
и отдают ее от Сварзы.
И тот, чья жертва не принята,
будет отвергнут и своим родом.

Ибо нет у нас богов, кроме Всевышнего:
и Сварог и иных множество —
это бог единый и множественный,
и никак не разделяется то множество.
И неверно говорить,
будто имеем богов много:
многие — это ушедшие прежде нас
и ставшие на небесах святыми.
И да будем достойны оных.

Дощечка 31

Благодарим тебя, боже,
за то, что даешь нам
испить суру смертную
и на врагов грядешь,
и побиваешь их мечем твоим — молнией,
згой и светом слепишь им очи,
и напускаешь на них мрак ночной,
чтобы нас защитит.

Так молимся мы Перуну,
чтобы нас избавлял от напастей,
а врагов наших гробил.

Приди, говорим, в день тот,
в который хочешь прийти
и который сам возвещаешь,
и возгреми в небе.
Это ведь и есть сила твоя —
поля оплодотворяющий гром
и дождь, льющийся на них.
И потому мы благи,
что следуем воле твоей...

«Я — утренняя слава», —
так ты называешься,
и мы так говорим,
ибо ты во истину благ
и даешь нам все блага —
и те, которые упрочняются,
и те, которые утекают.

Да владеешь ты нами
каждый день, каждый час,
и да будем тебе мы верны
до скончания славы твоей,
отец наш и вождь.
И чтобы так было всегда,
брашно овсяное правим в жертву тебе,
поем славу и воспеваем твое величие.

Славим Дажьбога —
да будет он от коляды до коляды
нашим покровителем и заступником,
да плодит на полях и дает травы скоту,
чтобы у нас во все дни
умножались стада коров.
Пусть и зерна-жита будет достаточно,
чтобы в печи медовуху сварить
и славить бога света Сварога,
когда он отрыщет от зимы
и пойдет на лето.
Мы славу ему поем,
как отцы наши певали...

Славим Огнебога-Семаргла,
древо грызущего и солому
и огненную кудель развивающего
утром, и днем и вечером,
и воздаем ему
за сотворение брашна и пития,
когда взойдет из пепла,
где мы хранили его,
и возгорится.

Земли наши раскинулись
от восхода до заката Сварожьего —
так велики они.
И хороши в них луга,
и пасутся там стада наши —
плодятся им и плодятся
волею Дажьбога,
которого мы славим.

Дощечка 31

Он дал нам дом
и дал нам жизнь.
Да святится имя его — Индра.
А кто не нашего рода,
тот одного бога с другими путает
и с ведьмами знает.
Так будем воспевать и почитать его,
и будем иметь стада скота,
которые убережем от зла.
Умножающий те стада убережен будет,
Итак, мы семя его и слово,
пришедшие из земли Арийской
в края иные,
и роимся, придя в рай травный,
для скота зело значный,
и веселие велико наше о том.
И там прозвучал отчий глас Ариев,
чтобы три сына, поделившись на три рода,
пошли на полудень и на запад солнцев,
И то были Кий, Щек и Хорив.
И так поделились, кто пошел,
на три рода,
и всяк сел на месте своем.
И Кий сказал: «Поставим град».
И дано ему было имя Киев.
Там перезимовали,
а весной пошли на полудень,
и там скот пасем с перволетья.

Дощечка 31 (приписка)

Если кто, прочитав это,
не воздаст хвалу богам,
то будет проклят.
Слава Перуну, богу нашему,
который нас хранит.
Он бог здравия,
податель благ земных.
Кому выпадет, будет палим
ночью и днем вечным огнем
в граде Нове на Волхове
и лесах, и на горах.

Потому и зовется дубрава,
что дубы слева и справа,
и никто всерьез
не назовет дубравой рощу берез.
Вот и бога нашего
называем Дажьбог, а не иначе,
потому что «даждь» —
«дающий просимое» значит.
За то мы и хвалим бога.

Дощечка 32

И была повержена Русколань
готовом Германрехом.
И захотел он иметь жену
от рода нашего.
Узнав о том, отцы наши пошли на него,
и Германрех разбил их,
и побеждены были русы буйные.
И сидел десять лет чужестранец,
и смута великая была у русов.
И поднялся младенич Ведислав,
и собрал русов, и повел их на врагов,
и в один мах разнес готов.
И нет жалости никакой,
что утекли они на полночь
и там сгнули на Ладоге-реке.
Напротив — сие радость,
и дед наш Дажьбог
весел о том гординстве,
которое одержали отцы наши:
было нас немного,
а добыли многое.
И так земля Готская стала Русская
и до конца пребудет.
И Митридат сказал русам,
что могут селиться около него,
если земля оная сгодится.
Греки же затевали то одну войну,
то другую, и так без конца.
И, там сидя, русы убывали числом,
и многие воины пали.
И ушли русы, отбиваясь от греков,
и сели по Дону и Донцу,
а позднее пошли на Днепр и Дунай
и там мирно жили.
И вот враги-обры напали на нас,
и если не отобьемся от обров,
быть нам рабами-отроками
и до кончины работать на них.
И текут обры на Русь,
и если позволим им,
то сами сгинем.

Дощечка 32'

Старейшины рода говорят:
«Если даете клятву верности,
то держите ее аж до смерти
и с нею умрите».
И русы отвечают:
«Если кто не захочет идти на бой,
а уйдет к себе домой,
свяжем члены его
и отдадим его грекам,
чтобы, как вол, работал.
Кара его будет тяжкая,
и род его изведется,
и Желя его не оплачет,
а имя его забудется.
А добрый витязь преславен будет
от рода до рода нашего.
Он, скорее, как Митридат, заколется,
если Русколань не сбережет,
нежели мы увидим его
под ноги легшим тому,
кто ходит в ночи
отроков хитить.
Будем же биться с оными,
и разнесем в щепы тех,
от кого претерпели много зла».

Дощечка 32''

И вот после гуннов
нашла на нас беда великая —
то были обры,
бесчисленные, как песок морской.
И некоторые сказали:
«Надо отдать этой тьме всю Русь
и остаться под теми обрами».
И стали спорить,
и не было никакого лада у русов.
И вот обры
одержали силой победу над нами.
И отец Дий
замучен был обрами,
преданный своими воинами,
которые ушли к грекам.
И мы, уведав о том,
что нет у нас иного властителя
и иных воинов,
содеяли вече после гибели Дия-отца,
воины которого ушли на Дунай и далее
и оттуда не вернулись,
и в тот час Волюню нарекли
единогласно отцом нашим.
И род от рода все годное принес,
и собрали силу великую:

воинов, детей, слуг.
И когда наступил час,
отцы наши были готовы к нему
и разбили обров.
Так и ныне будем стоять на смерть
и сражаться за землю нашу до конца.
Не греки ли идут на нас?
Не Перун ли нам есть отец!
А если так, то разобьем греков
и узрим вранов летящих,
и полетят они на греков.
Да будет так.

Дощечка 33 (обломки)

...Вот гонец прискакал и сказал:
«Идите на Дунай и побейте там волохов...»
...И ныне они разгромлены...

В то древнее время
многие роды избрали отцов.
Одни имели старцев и вече,
другие имели князя,
которого избирали на общем круге
на год — от коляды до коляды.
И так всякий род правился.
А кудесники жертвы приносили.
И всякий род имел старца-кудесника,
которого посылал им Радогощ.
А первоначальник кудесников — Даждьбог,
и они его волю творят.

...Вспомним мужа,
который собрал славян вместе
и единую землю содеял...

...А когда войдут в разум,
то свое поимеют...

...Сии же пока играют,
а позднее пойдут путем своим...

...Боги наши суть покойные родичи...

...И мы также едины будем...

...Вы пьете кровь своих братьев до смерти.
Как только вы не исчезните!

...Волох же есть велик,
и потому пойдём,
братского вина изопьем...

...Не смейте оборачиваться,
смотрите только вперед...

...У вот пошли на Дунай...

...Ромеям же худо стало...

...Поимели мы славу на поле...

...И се ромеям отплачено за зло их...

...Хорс вызволил русов...

...И вот фряги пошли вперед...

...Поднимем мечи свои на вас...

...И та битва будет до конца дней наших...

Отправляем требы наши по сей день,
как отцы наши на Понтийском бреге,
где грады у русов были.
И се русичи пришли
от Белой Вежи и от Роси
на Днепровскую землю,
и там Кий утворил град Киев.
И вот совокупилась
поляне, древляне, кривичи и ляхове
в единую семью русскую
и стали русичами.

Дощечка 34

Вздумалось князю Кию пойти на болгар,
и послал он одну рать на полночь,
другую же на Воронежец повел,
ожесточив так своих воинов,
что поля покорялись им,
а иных голодом-измором брали.
А Гольнь — град русский,
окружена рвом-дебрью оная земля,
потому и зовется тот край Дебрянск.
А русичам посадил Лебедяна,
и сидел он в граде Киеве на горе,
и был слаб умом,
и правил по указке христиан,
ибо было там торжище эллинское,
а еще арабы там правили
и даже воздвигли мечеть.
И отвел Кий полки свои от врагов,
ибо болгары перестали сопротивляться
и рожденное их землей отдали.
И слава разошлась в разные стороны,
А потом стали с готами биться,
и сила людская сплотилась для битвы,
и земля наша остязилась
от края до края,
и мы за Русколань бились,
и благодаря богам победили врагов
и землю свою удержали.
А Гольнь-град был велик и богат.

И вот враги пошли на него,
и подожгли его, и стены пожгли.
Мы же обороняем ту крепость нашу
и за русичами удерживаем.
Сия земля волжская,
по обе стороны Ра-реки раскинулась,
была она землей отцов наших,
а теперь мы живем на ней.
Так сбережем ее,
и на ней преставимся,
рудой кровью польем ее,
которая в нас течет.
Вот в сердце ранен воевода наш,
и кровь его перетекла в землю.
А если русская кровь в земле течет,
то значит земля — русская.
Он показал нам пример мужества,
будем же ему следовать,
и не погибнет земля наша,
а будет вовеки русскою.
И строгают нам Перун стрелы свои,
чтобы мы, силу его используя,
врагов отринули.
И будем так биться век целый,
пока распря не утихнет,
и в борьбе с оными
обретем свое могущество,
и будем ходить в Голынь и Сурож
(земля та есть у моря Дулебского,
слева — готы, а прямо на полудень — эллины),
и будем с ними торг творить,
и се — жизнь наша.
Так совокупим силы свои
и речем громче славу богам.
И содеем суру
и выпьем ее во славу божескую,
и скажем: «Добра есть!»

И вот поделили мы степь ту
между родами своими
и обрели Скифию Великую.
Овцы и коровы, основа жизни нашей,
страждали от нехватки травива,
но два века мы кое-как перебивались.
А ныне зима студеная,
и сено у нас кончилось.
И пошли мы за сеном,
за зеленицей, на полудень.
Там, у эллинов, корм злачный,
но они прогнали нас силой
в землю студеную,
чтобы мы погибли.
Но мы не можем лишиться зеленицы
несмотря на вражду эллинскую.
Они ведь сами зеленицу не берут,
и прет зело сено,

но не хотят помочь нам.
Поэтому мы сказали:
«Отомстим за такие деяния,
и вдвойне отплатим, когда придет время».
Еще отцы наши говорили:
«Овладейте землей той
и прогоните грецколанов тех к морю.
Станьте в битве грудью против них
и ударьте первыми».
И содеяли мы битву великую,
и грецколане мира запросили,
и закончили мы войну нашу.
И так достали зеленицу на зиму,
и кормим скот свой,
и речем славу богам.

Дошечка 35а

Совість наша не позволит нам
изречь словеса,
не соответствующие действительности.
Итак, скажем во истину
благое о роде нашем.
Да не солжем,
но истину скажем,
о первобытии нашем поведая.

Избран был князь,
имя же ему было Кисек.
И он повел родичей по степям
со скотом своим на полудень,
и туда, где солнце сияет, прибыл.

И пришел к нему отец Орей
и так ему сказал:
«Оба мы имеем деток, и мужей и жен,
и опыт имеем обороняться от врагов,
и разговариваем на одном наречии,
будучи соплеменниками.
Давай объединим овец и скот
и будем племя единое.
Так боги научают нас.
И узрим добро
отныне и во веки вечные».

Но когда опросили родичей,
то одни высказались за объединение,
другие же иначе говорили.
И тогда отец Орей
отвел стада свои и людей от оных,
и увел их подалее и сказал:
«Здесь воздвигнем град,
и тот град Голынь назовется,
потому что здесь голынь степи и леса».

И Кисек отошел прочь,
и увел люд свой в иную сторону —
да не смешается с людьми отца Орея.
А ведь Орей-то был старше.

И вот люди Орея сотворили
на земле той град и осели.
А Кисек, отойдя со своими людьми,
утворил землю иную
и там уселся.

И так размежевались они, сказав:
«Будем отныне врозь жить,
врозь будем хлеб-соль иметь,
но перечить один другому не будем».

И был Кисек тот славен,
и люди Орея-отца были славны,
ибо слава притекала к ним,
и поле знало их самих,
как знало их стрелы и мечи.

Дощечка 356

Пришли языки чуждые в край Кисека
и начали скот отбирать.
И вот Кисек напал на них.
Бились день, другой
сам Кисек и люди его.
И много было корма грающим вранам,
и выклевывали они многие очеса,
ибо много люда полегло от мечей.

И рассказали Орею-отцу,
сколько мертвых учернено вранами,
как они грают от радости своей,
на еду набрасываясь.
Стало мерзко то сердцу Орея,
и сказал он сородичам:
«Поддержите Кисека и люд его».
И те комоней седлать взялись,
бросились на язычников,
и бились с ними, и разбили их.

И так уведали мы истину,
что если совокупить силы,
то никто не сможет одолеть нас.
Те же-то степи не отнять у двоих,
ибо оба суть русичи,
и лучшая слава нам —
проклятия, изрекаемые врагами.

Они, видя дружную жизнь нашу,
принялись искушать братьев наших
серебряными мечами

и горшками глиняными,
в которых готовят просяное едово.
Но жизнь наша в степях —
до конца нашей жизни на свете.
И пусть нас не соблазняют
рассказами об иной жизни.
Наши словеса истинны,
а их словеса ложны.
Они ложь говорят,
ибо не имеют истины.

Дощечка 36а

Предрешено было в старое время,
что сплотимся с иными
и сотворим державу великую —
породим Рускень нашу в Голуни
и триста градов и сел,
огнищ дубовых дым там будет,
и Перун будет наш и земля наша.

Се птица Матерь-сва
спевает о дне том,
и ждем оного в час сей,
когда поворачивает к нам
колесница Сварожева,
и час тот за нею идет к нам.

Обещаем Матери-сва,
что будем оборонять
землю нашу лучше венецов,
которые ушли на запад солнца
и там пред врагами землю роют,
слабую надежду имея
удержаться на ней.
Боровынь ведь сказал,
что силен он есть,
и люд тот продолжает верить
в словеса те.
Мы же не глупцы неразумные
и веры в то не имеем.

Вот увидите еще:
венеды вернутся на земли наши,
в степи древние.
И увидите еще пожары иные,
чем во дни исхода из Пятиречья,
и смерчи, как бы от солнца истекающие.

И та птица предсказывает,
что огненный смерч понесется на нас
и Голунь порушит,
и будет он не Голунь, а Горень.
И станут Купало купалить,
а Дажь — дождить,

и земля разверзнется
и комоной поглотит.
Да уведайте, сынове:
те комоны предназначены богам.
И боги на них в степи свои выедут
и солнце дадут, чтобы сено сушить.

И мы будем существовать,
но не за счет антов.
Ты, ант, победишь мечем многих,
но если погубишь дом твой,
то дома иного не построишь на чужбине.

Се Орей-отец идет пред нами,
и Кий ведет русов,
и Щек ведет племя свое,
а Хорив — хорватов своих.
И Земь-бог радуется о них,
ибо есть они внуки боговы.

Дощечка 366

Отошли Хорив и Щек от нас,
а мы сели в Карпатских горах
и там стали иные грады творить,
и торг вести с племенами иными,
и богатство имели великое.
И вот враги напали на нас,
и потекли мы в Киев-град и Голунь,
и там поселились,
огни свои запалив до Сварзы
и жертвы творя в благодарность богам,
заботящимся о нас.
И вот Кий умер,
он властвовал тридцать лет;
а по нем был сын его Лебедян,
который звался также Славвер,
и жил он двадцать лет;
а потом был Верязь Великий во граде,
также двадцать лет;
и потом — Сережень, десять.
И остальные держали оный град,
сражаясь с врагами,
тмы лиха несших на сынов Кня,
грядущих на них и на нас.
То зло творили готы,
пришедшие в степи наши.
И доблесть проявили великую
праотцы наши, борясь за жизнь.
Ведь мы есть славяне,
потому что славим богов,
и есть мы богов внуки —
Сварога нашего и Дажьбога,
и потому перетерпели зло,
что силу имем великую от них,

и с мужеством великим
оборонялись от нашествия готов,
борзо бились шесть лет.
Тут ильмеры нас поддержали,
и мы разгромили врагов.
Те ильмеры десять царей имели,
и великие были они воители
и воины храбрые все.
Но когда сейчас нападают на них
и творят им зло,
они не вступают в бой,
ибо мечи боевые
променяли на баранов и овец.
А ведь мечи те
мастером утворены были во Сварзе самой.

Дощечка 37а

Се бьет крылами Матерь-слава-птица,
ибо идут браманове на нас,
и те браманове рога на челе носят.
Вот натекли и бросились на нас.
И се течет туга великая в края наши,
и дымы степные воздеваются до Сварзы,
и Желя плачется о нас.
И взывает Матерь-слава ко Всевышнему,
который дал огонь для огнищ наших,
и да пребудет он подмогой.
С ним отцы низвергались на врагов,
и Германрех отступал,
и готы уходили на Калицу Малую
и бежали до брега морского.
И держали отцы наши землю до Дона.
А по ту сторону Дона-реки есть Калка Великая,
она является границей между нами
и прочими племенами.
И там готы отбивались
четыреста лет от врагов своих.
И так поимели мы землю нашу,
и пахали спокойно землю
и с эллинами торговали —
обменивали скот, меха и туши
на серебряные и золотые кольца;
и для литья и для яств были меха.
И стала наша жизнь с тех пор
спокойной и мирной.
И се готы напали на нас вновь.
И длилась распря десять лет,
и мы удержали землю нашу.
Также и ныне оборонимся от врагов,
которые идут с трех концов света,
ибо идут нам на помощь святые.
И те святые: первый — Коляда,
а другие — Ярь и Красная Гора,
и Овсень Великая и Малая.

Идут те святые мужи
от града до села огнищанского,
и в каждую землю мир грядет:
от нас — до иных и от иных — до нас.

Дощечка 376

Теките, братия наши,
племя о племя, род о род
и бейтесь за землю нашу,
чтобы она принадлежала нам
и никому иному!
Мы — русичи, и славим богов наших.
Напевы наши, и плясы, и игрища,
и зрелища — во славу их.
Умирая от ран на поле битвы,
заталкивай перстами землю в раны свои,
чтобы после смерти твоей Мара-Мория,
пред которой ты предстанешь, сказала:
«Не поиметь мне витязя этого,
ибо он полон земли,
и я не могу отделить его от нее».
И боги, сущие там, скажут о тебе:
«Се есть русич, и пребудет им,
ибо наполнил землей раны свои
и принес ее с собою в Навь».

После Кия-князя
избирали многие отцов и князей себе.
И кого посадить на княжение,
решали на вече простые мужи.
И так постановили земледельцы:
«За то, что князь будет защищать людей,
будет иметь он питье и еду
и всякую пожить от людей своих».

Дощечка 38а

И началось тут великое препирательство —
родичи заспорили о владыке.
И многие сказали:
«Не пойдем под род Орея,
ибо не будет от него спокойствия огнищанам.
Будем лучше сами по себе в лесу жить,
нежели с Ореем в горах обитать».
С теми словесами родичи разделились,
и сильно сердиться и лютовать изволили.
И тогда бог Сварог, наказуя их,
великое смятение в небесах учинил.
И славяне те среди ночи были пробуждены
великим громом и землетрясением.
И вот слышат: комони к небесам вопиют,
страхом обуянные, с привязей срываются
и идут вон из селения, а овны не могут.

А наутро увидели дома разрушенные:
один сверху, другой же внизу,
третий в дыре великой земной,
а от иной хаты ни следа не осталось.
Оказались те славяне в скудости великой,
и не имели ничего, чтобы кормить себя.
И обратились они к Орею:
«Отче! веди нас вон».
И сказал Орей:
«Се буду я над вами с сынами моими».
Те отвечали ему:
«Подчиняемся».
И пошли с Кием, Щеком и Хоривом,
тремя сыновьями Ореевыми,
иную землю глядеть.
И с того начался род славян,
и поныне здравствует.
А поскольку видеть не дал бог Дажьд
будущее смертным, то восхвалим
премудрость его и, прошлое вспоминая,
которое нам ведомо, продолжим сказывать.

Прежде жил род славян
у гор великовсоких.
Там землю пахали,
держали добрых овнов и овец,
пасли их во травнях.
Из того рода остались живы
лишь редкие люди, которые пробудились,
услышав, как комони под облака
вопиют от страха.
И те люди, страхом объятые,
боялись, что не смогут уберечься,
ибо начался мор и глад великий.
И изошли из того края.
Иные края представляли очам их,
куда они глядели.
Шли мимо земли Фракийской,
и пошли дальше,
ибо непригодна для овец земля та.
Шли горами и видели только камень,
там просо нельзя сеять,
и также мимо прошли.
А увидели степи зеленые, цветами усыпанные,
остановились, и стояли два лета,
а потом дальше пошли,
поскольку не было покоя от хищников.
Прошли мимо Каялы, дошли до Днепра,
который всякой распре граница
и ворогам злым преткновение.
Там, на Днепре,
и утвердился род славян.
И были то огнищане,
каждый из которых вырил яму в земле
и развел огнище,
чтобы воздавать славу Сварогу и Дажьдбогу,

которые сущи во Сварзе пречистой;
Перуну и Стрибогу,
первый громами и молниями повелевает,
а Стрибог ветры ярит на землю;
наряду с тем и другим почитаются:
Ладобог, который правит ладом семейным
и дает благодати всяческие;
и Купалбог, который правит мытницами
и всяческими омовениями;
и Ярбог, который правит цветами яркими,
и русалками, и водяными, и лешими и домовыми
(кстати, и Сварог ими правит).
Всякий род имеет щуров и пращуров,
которые умерли пред веком нашим,
их-то мы и почитаем за богов
и от них все земные радости имеем.
И поставил прежде всего род славян
мольбище во граде, принадлежавшем Кию,
отчего и назван град Киев,
и около мольбища поселились.
А в лесах дубовых лешие
на ветвях раскачиваться начали,
а бороды их хмелем увиты
и волосы — травами
да листьями зелеными,
а с ними — мокоши,
которые днем спят под землей,
зарываясь до подбородка.

Дощечка 386 (отрывки)

А Дажьбог на струге своем
плывет во Сварзе премудрой —
в небе синем.
А струг тот сияет и блещет,
ибо он злато, Огнебогом раскаленное.
Дыхание того Огнебога жизнь есть
и всякой твари прибежище.
Всякий муж благой то видеть может.
А если кто злой и не чтит богов,
ничего не видит, как слепец.
Да не будешь ты в числе таковых,
ибо всякий, ищущий зла,
с оным до конца пребудет.

...и не имеем того рая на земле нашей...

...и крещеная Русь стала отныне...

...у Днепра же племена суть русские...